

**АЛЕКСЕЙ
ВАСИЛЬЕВ**

АКАДЕМИК РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ОТ ЛЕНИНА ДО ПУТИНА

**РОССИЯ
НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ
ВОСТОКЕ**

Алексей Васильев

**От Ленина до Путина. Россия
на Ближнем и Среднем Востоке**

«Центрполиграф»

2018

УДК 327
ББК 66.4(0)

Васильев А. М.

От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке /
А. М. Васильев — «Центрполиграф», 2018

ISBN 978-5-227-07511-6

Новая работа известного ученого-востоковеда – результат его полувекового изучения Ближнего и Среднего Востока, честная и непредвзятая оценка целей, методов и средств политики Москвы, ее реальных достижений, провалов и просчетов в этом важнейшем для России регионе «третьего мира» как в советский, так и в постсоветский периоды. Впервые в международной историографии рассматривается процесс принятия решений в Кремле по вопросам ближневосточной политики. Приводятся неизвестные ранее факты, связанные с суэцким кризисом 1956 г., арабо-израильскими войнами 1967 и 1973 гг., войной в Персидском заливе 1991 г., советским вмешательством в Афганистане, политикой Москвы в отношении Израиля, анализируются прагматичные шаги руководства новой России в рамках борьбы с терроризмом, в связи с вступлением войск США в Ирак и Афганистан, «арабской весной» и сирийским кризисом.

УДК 327
ББК 66.4(0)

ISBN 978-5-227-07511-6

© Васильев А. М., 2018
© Центрполиграф, 2018

Содержание

Введение	6
Часть первая	14
Глава 1	14
Глава 2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Алексей Васильев
От Ленина до Путина. Россия
на Ближнем и Среднем Востоке

© Васильев А.М., 2018

© «Центрполиграф», 2018

Введение

Аравия. 1969 год. Дофар, юго-западная провинция Султаната Оман. Отдаленнейшая точка арабского мира. Край Евразии. Тысячи километров до Москвы. Хижина, покрытая пальмовыми ветвями. Коровьи шкуры, брошенные на землю. Мешки с зерном подвешены на перекладине – чтобы не достали крысы. Кое-какая утварь. Женщина с открытым, без чадры, лицом и крупной серьгой в носу приносит ужин – вареный рис с сушеной рыбой и чай. Вооруженные горцы тесно набились в помещение. Трудно дышать. Пришли поглядеть на нас – двух русских, советских. Мы – гости Народного фронта освобождения оккупированной зоны Арабского залива¹, представители Советского комитета солидарности стран Азии и Африки. Один из нас – журналист, сотрудник газеты «Правда», второй – военный разведчик. Мы хотим увидеть и понять, что это за организация, реальность она или фикция.

Но от нас отвлеклись. Внимание всех захватил наш сопровождающий, оманец африканского происхождения, сын раба из Саяли. Он говорит страстно и свободно. Строки поэзии перемежаются политическими лозунгами, его слова обращены и к уму, и к сердцу. Я прислушиваюсь:

– Мы погрязли в темноте и невежестве. Мы уткнулись лицом в навоз, в свое поле, в свою лавку и дрожим от страха за свою шкуру. Нас продают империалистам. Мы не рабы. Мы восстали. Мы готовы пойти на смерть.

Я выхожу из хижины. Стоит теплая аравийская ночь с крупными низкими звездами и полной луной. Кругом тишина. Лежащие неподалеку верблюды изредка издают рев-ворчание. В тени скалы спит, обняв автомат, молодой боец.

Я не знаю, радоваться или печалиться тому, что я увидел, услышал, узнал. Я уже не романтик-комсомолец, готовый служить делу «грядущего торжества коммунизма» на земном шаре, каким я был в юности. В голову приходят все более острые и злые вопросы: «Почему коммунистические идеи воспринимаются в самых отсталых частях планеты – здесь или, например, в Лаосе, где я недавно побывал, а в развитых странах – Венгрии, Чехословакии, Восточной Германии – их надо навязывать танками? Что нам здесь и вообще на Ближнем и Среднем Востоке надо? Нефть? Своей, казалось бы (тогда казалось. – А.В.), залейся. Экономические позиции? Нам нечем торговать. Построить здесь социалистическое общество и потом им же помогать? Выигрываем мы или проигрываем от распространения коммунизма? И кто это «мы»? Советский Союз? Россия? Партийная верхушка? Российская интеллигенция? Сибирский горняк? Рязанский крестьянин? Да, пожалуй, нам, то есть стране, не нужно, чтобы в небе Аравии летали английские и американские военные легчики, потому что они могут долететь с атомной бомбой и до нас. А остальное?»

1969 год. Советское влияние на Ближнем Востоке приближалось к апогею, и мало кто знал, что предстоял быстрый спуск с высокой горы. Но среди специалистов-ближневосточников немало тех, кто задавал вопросы: каковы цели, средства, методы советской политики в регионе, соответствует ли она национальным интересам СССР или противоречит, что понимать под словами «национальные интересы», кто и как принимает решения, кто и как их осуществляет, как нас воспринимают на Западе и в арабских странах, в Турции, Иране, Афганистане?..

...Много воды утекло в Волге и Ниле, и много барханов переместили ветры в пустыне Руб-эль-Хали до начала 90-х годов, когда автор засел за свою книгу, названную «Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму». Советский Союз уже не суще-

¹ В арабских странах Персидский залив именуется Арабским.

ствовал. Пришло время честно и откровенно изложить на бумаге свои наблюдения, размышления, собранные факты, документы, интервью.

После распада Советского Союза встал вопрос: о какой внешней политике в прошлом и будущем идет речь? О российской политике.

И признание России в качестве правопреемника СССР в Совете Безопасности ООН, и быстрая и, как правило, безболезненная смена советского флага на российский над посольствами бывшего СССР – все это говорило об одном: Россия, облаченная в особые политические одежды, была Советским Союзом. Российская Федерация за вычетом отделившихся государств и народов и была Россией, сменившей форму своего политического бытия. Как на глобальном, так и на региональном уровне советская политика была российской политикой.

Главная сфера интересов автора лежала и лежит в арабских странах, но без напоминания или упоминания хотя бы в общих чертах советской политики по отношению к Турции, Ирану, Афганистану место и роль арабских стран окажутся обрисованными недостаточно выпукло. Вместе с тем отношения СССР с тремя пограничными государствами были настолько обширны, что приходилось обходиться лишь схематическими набросками, хотя во второй части книги в постгорбачевский период они заняли больше места.

Раскрытие темы невозможно без знакомства с работами западных исследователей, их число – легион. И было бы нечестным утверждать, что кто-либо в состоянии охватить все опубликованное. В годы существования Советского Союза интерес к Ближнему и Среднему Востоку был таков, что появлялись десятки книг, посвященных советской политике в регионе. Западные исследователи были хорошо знакомы с опубликованными советскими источниками и литературой. Иногда их работы были полнее и откровеннее, чем советские: например, у советских авторов в те годы я ни разу не встречал сообщения о тревоге в воздушно-десантных войсках СССР во время арабо-израильской войны 1973 года. Но при всех достоинствах западные авторы, как и советские, не избежали идеологизации своих исследований, используя формулировку «игра с нулевым результатом», то есть там, где СССР выигрывал, США проигрывали – и наоборот. Даже если под эту формулировку надо было подгонять факты. После развала СССР интерес к российской политике в регионе снизился почти до нуля, чтобы вновь начать возрождаться в начале XXI века. Неушедшая идеологизация и свой собственный мессианский настрой окрашивали работы большинства западных авторов, хотя были и исключения, о которых читатель найдет ссылки в тексте.

Автор в 90-х годах поставил перед собой довольно сложную и амбициозную задачу, надеясь, что даже частичный успех в ее выполнении позволил бы по-новому осветить советскую политику на Ближнем и Среднем Востоке. Речь шла о попытке найти точки сопряжения между различными уровнями реальности или хотя бы постоянно учитывать их при анализе. Первый уровень – подлинная общественно-политическая обстановка на Ближнем и Среднем Востоке, в которой действовали советские внешнеполитические ведомства. Второй, подчинявшийся своим законам функционирования, – советские политические и бюрократические структуры, связанные с определением внешней политики и имевшие определенную идеологическую заданность. Третий – и наименее изученный – сами люди, участвовавшие в формировании или проведении политики, люди с их знаниями и невежеством, умом и глупостью, убеждениями и предрассудками, интересами и иллюзиями, смелостью и трусостью. Естественно, что четвертый уровень реальности – сам автор, волею судеб связавший свою жизнь с изучением этого региона и бывший свидетелем (и в редких случаях участником) событий, то есть его позиция, ход размышлений, опыт, знания, а возможно, и предрассудки.

Как всякий историк, автор имел дело со следами, историческими свидетельствами политики, то есть документами, декларациями, заявлениями, речами, протоколами, договорами. Но слишком многое в архивах главных внешнеполитических ведомств было все еще закрыто для исследователей. Чтобы приблизиться к еще одному уровню реальности – живым людям,

автор интервьюировал некоторых деятелей прошедшей эпохи и кое-кого из оставшихся во власти, согласившихся с ним беседовать.

Эти поиски привели в скромную двухкомнатную квартиру недалеко от метро «Аэропорт», где жил 86-летний Д.Т. Шепилов, который вручил знаменитый ракетно-ядерный ультиматум 5 ноября 1956 года послам Великобритании, Франции, Израиля и который имел шансы стать одним из лидеров Советского Союза, но проиграл. Возможно, это было последнее в его жизни интервью.

В небольшом, только что отремонтированном особняке Ассоциации внешней политики на улице Елизаровой, близ Курского вокзала, меня принял Э.А. Шеварднадзе, который в драматичной форме подал в отставку с поста министра иностранных дел СССР в самом конце 1990 года. Он возглавил ассоциацию, затем, выйдя из КПСС, стал одним из организаторов Движения за демократические реформы, в начале 1992 года вернулся в Грузию и возглавил Государственный Совет республики, а в конце года был избран председателем Верховного Совета Грузии, а затем стал ее президентом.

Подробное интервью дал А.С. Дзасохов – многолетний фактический руководитель Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, затем посол СССР в Сирии, позднее – глава Комитета Верховного Совета СССР по международным делам, член политбюро ЦК КПСС, позднее президент Северной Осетии, затем депутат Совета Федерации Федерального собрания. Беседа состоялась в особняке Комитета солидарности на Пречистенке (бывшей Кропоткинской).

Была также встреча на Старой площади с Б.Н. Пономаревым, бывшим кандидатом в члены политбюро ЦК КПСС и многолетним главой международного отдела ЦК. Даже удаленный из ЦК, он долго не мог расстаться с цековским кабинетом и сидел там, перебирая никому не нужные бумаги и собирая материалы для никому не нужного учебника по истории КПСС. Он – единственный, кто запретил мне пользоваться диктофоном и даже делать заметки, и беседу с ним, очень скудную по содержанию, автор, вернувшись домой, вынужден был тут же надиктовать по памяти.

Долго беседовал с автором и бывший заместитель Б.Н. Пономарева Р.А. Ульяновский в своей квартире на фешенебельной улице Алексея Толстого (сейчас Спиридоновка). Среди репрессированных и позже реабилитированных деятелей 30-х годов он единственный, кто смог после 1956 года подняться до сравнительно высокого уровня – заместителя заведующего международным отделом ЦК КПСС. По-человечески симпатичная личность, всю жизнь он искренне верил в те мифы, которые защищал, проповедовал, частично создавал, и сейчас непонимающими глазами наблюдал, как рушилось то, что казалось незыблемым.

В доме на улице Станиславского, где живут многие представители высшего эшелона бывшей советской элиты, я беседовал с Н.Г. Егорычевым, который в 60-х годах занимал пост секретаря Московского горкома КПСС и был восходящей политической звездой, опять-таки одним из потенциальных советских лидеров, потерпевшим поражение в столкновении с Л.И. Брежневым. Но времена были уже не те, что при Сталине, физически уничтожавшем политических противников. Н.Г. Егорычева «сослали» послом в Данию, а уже новое, горбачевское руководство направило его послом в Афганистан на время вывода оттуда советских войск.

На встречи и беседы согласилось немало послов и других дипломатических работников, бывших сотрудников международного отдела ЦК КПСС, Главного разведывательного управления Советской армии, Первого главного управления (ПГУ) Комитета государственной безопасности (ныне – Служба внешней разведки), внешнеэкономических ведомств. (Собирательные понятия «дипломат» или «работник международного отдела ЦК», используемые в тексте, – эквиваленты распространенного в журналистской практике термина «хорошо информированный источник»). Кто-то не возражал, чтобы его фамилия упоминалась, кто-то (особенно из сохранявших свои посты, а их большинство) предпочитал остаться анонимным, что, есте-

ственно, уменьшало достоинства книги. Автор в категорической форме заявляет, что, цитируя анонимных собеседников, он сохранял их высказывания, ничего не добавляя, и нередко считал их более надежными источниками, чем тех, кто выступал под своей фамилией.

Качество и надежность работы были обеспечены помощью бывших аспирантов автора, ставших кандидатами наук, Ирины Абрамовой и Олега Левина. Первая выросла в крупного ученого и организатора науки и в 2015 году сменила автора на посту директора Института Африки Российской академии наук, была избрана в член-корреспонденты РАН. Второй стал серьезным дипломатом и в 2015 году уехал советником-посланником в Иорданию.

...Минуло еще почти четверть века, и новое издание книги «От Ленина до Путина» охватывает сто лет и включает постгорбачевское время. Прежнее содержание потребовало обновления, хотя принципиальные оценки сохранились, а постгорбачевский период составил вторую часть книги – «Пределы прагматизма». Частые поездки в страны региона и встречи с западными коллегами позволили «держать руку на пульсе» все эти годы. Поэтому автор решил добавить во Введение некоторые новые впечатления.

Вашингтон. Январь 2011 года. Встреча группы российских востоковедов с американскими учеными. Телеэкраны полны передачами «сверхшоу» – арабскими революциями. С бурлящей площади Ат-Тахрир в Каире американский корреспондент с великолепно поставленной дикцией передает: «Митингующие не выражают никаких антиамериканских чувств». А за его спиной плакат на арабском «Ирхаль-ирхаль йа габбан йа амиль аль-американ» («Ты – трус, американский агент (имелся в виду президент Мубарак. – А.В.), уходи!»). Российские участники – все! – говорят об ожидаемом росте исламистских тенденций в арабском мире. Американские коллеги отмалчиваются.

...Площадь Ат-Тахрир. Каир. Февраль 2011 года. Мубарак уже отказался от власти. Гамаль аль-Гитани (ныне покойный), выдающийся арабский писатель, наверное лучший в арабском мире, не скрывает чувств: «Примерно за неделю до 25 января я был в президентском дворце на приеме – кому-то вручали высший орден «Ожерелье Нила». Я был подавлен. Я видел царский двор, с лакеями, церемониями, лжецами, лизоблюдами. Все казалось мертвым и безнадежным. «Неужели это на долгие годы?» – спрашивал я себя. Конечно, я слышал еще 24 января, что на следующий день с помощью Интернета молодежь организует демонстрацию. Но как человек старшего поколения я просто не верил в успех Интернета. И вот – свершилось! Алексей! Свершилось! Революция объединила всех, мусульман и коптов, богатых и бедных, интеллектуалов и неграмотных. Это был общенациональный порыв. Пусть будут трудности, страдания, жертвы! Но не вернется старый, мертвый режим!»

«Друг мой! Мой верный, честный, бесконечно талантливый друг. Мне так хочется тебе верить! Так хочется верить в будущее любимого мной Египта. Но я-то из страны, которая за век пережила столько революций и контрреволюций! И с какой горечью я смотрю на сегодняшний день моей родины»... Я не сказал этих слов, чтобы не причинить ему боль.

Само название Ат-Тахрир стало брендом египетской революции, символом стойкости, мужества, свободы. Восемнадцать дней без перерыва здесь кипели страсти, звучали речи, споры, стихи, песни, были схватки с полицией и с нанятыми полицией хулиганами и даже с верблюжьей кавалерией. Из миллионов глоток рвалось одно слово в адрес президента Мубарака: «Уходи!!!» Полиция тогда исчезла. Вокруг площади и в переулках стояли танки. Армия не вмешивалась в события. Президент Мубарак ушел. А дальше? А дальше были тяжелые времена для Египта.

Я задавал себе старый вопрос: «Что нам, то есть России, здесь надо?» Напрашивался ответ: «Только не вмешиваться! Ни в какие египетские и вообще арабские дела».

Не удалось.

Россия в XXI веке стремится вернуться на Ближний Восток. Так получилось, что воротами стала Сирия.

...Дамаск. Апрель 2016 года. Мы беседуем с российским послом Александром Александровичем Кинцаком в его кабинете. Изредка слышны отдаленные залпы тяжелых орудий. «Бьют по целям в пригородах Дамаска, километрах в пяти – семи отсюда, – объясняет Александр Александрович. – Там кварталы под контролем боевиков – или ДАИШ (ИГИЛ), или Джебхат ан-Нусра. Бьют только по районам, где уже нет местных жителей, а боевики укрылись в туннелях под землей, и эти территории, и кварталы с оставшимися жителями блокированы армией». – «Могу ли я попасть на позиции?» – «Нет, я отвечаю за вашу безопасность. И по городу вы должны ездить только в нашей автомашине, она бронированная и надежная».

На сирийско-ливанской границе меня встретили две автомашины с нашими спецназовцами, в черной форме, с автоматами и радиотелефонами. Меня доставили в гостиницу в центре Дамаска и по договоренности уже в одной машине без сопровождения привезли в посольство, вокруг которого два кольца охраны, внутри – российское, снаружи – сирийское, подъезды – между выстроенными достаточно высокими бетонными стенами. Эстакада рядом с посольством закрыта для движения. В такой же машине меня возили по городу, на встречи, в университет.

Что ж, порядок есть порядок, но любопытство пересилило. Я взял такси, и за небольшой бакшиш водитель показал мне автобусную станцию, с которой можно было доехать до «столицы» боевиков ИГИЛ Ракки (то есть через фронт гражданской войны), кафетерии, где было полно народа, шумные улочки старого города, а затем он подвез к позициям сирийской армии, которые блокировали подступы к бывшему палестинскому лагерю Ярмук. Лагерем были не палатки, а просто бедные кварталы Большого Дамаска. После боев между двумя исламистскими организациями часть Ярмука контролировал ИГИЛ, часть – Джебхат ан-Нусра, некоторые кварталы были абсолютно безлюдны, а боевики скрывались в нарытых туннелях.

Молодой офицер покрутил в руках российский паспорт, выслушав просьбу, после пространственных разговоров и звонков куда-то, согласился проводить меня на наблюдательный пункт. «Только ни шагу без моего разрешения, с той стороны работают снайперы». – «Хадыр (то есть согласен, слушаюсь)», – ответил я. По глубокой траншее мы прошли в безлюдный дом, где из-за бетонной стены с помощью перископа можно было наблюдать зону, контролируемую боевиками: пустынная площадь окружена полуразрушенными домами, торчали остовы взорванных автомашин. «Мы ведем наблюдение, и, если замечаем какое-то движение, передаем координаты артиллеристам, и они бьют по целям». Мне не разрешили задержаться. На прощание офицер повторил фразу благодарности в адрес России, почти слово в слово то, что в последней речи говорил президент Башар Асад. Политпросветработа в армии была поставлена хорошо.

Посещение Сирии, где Россия в первый раз после распада СССР продемонстрировала свои военные возможности, оставило немало вопросов, как по этой стране, так и по всему региону Ближнего и Среднего Востока. Попытаюсь ответить на некоторые из них во второй части книги под заголовком «Пределы прагматизма».

Но, чуть нарушив хронологию, вспомню о посещении Объединенных Арабских Эмиратов в декабре 2015 года. Именно их вместе с Оманом собирались «освободить» дофарские революционеры, чтобы построить здесь «счастливое социалистическое общество».

...Аравия. Дубай. Декабрь 2015 года. Лифт бесшумно поднял на 161-й этаж самого высокого в мире небоскреба «Бурдж-Халифа». Всего здесь 200 этажей и 828 метров общей высоты. Со смотровой площадки любуешься толпой небоскребов-«коротышек» этажей на шестьдесят – семьдесят, многоуровневыми развязками автострад, а дальше на восток – море, на запад – пустыня. Здесь были убогие глинобитные хижины рыбаков и палатки бедуинов, когда я в 1969 году первым из советских, а может быть, первым русским в истории посетил Объединенные Арабские Эмираты сразу после провозглашения независимости.

Можно переезжать с этажа на этаж «Бурдж-Халифа», этого, пожалуй, первого в мире вертикального города, способного вместить 35 тыс. человек. Здесь есть квартиры, отели, офисы,

рестораны, магазины, все бытовые услуги. Можно спуститься на террасу нижней гостиницы и на закате солнца полюбоваться танцем фонтанов под арабскую или джазовую музыку над розовеющим искусственным озером. Или пройтись по бесконечным рядам универмагов, магазинов, магазинчиков. Или за чашечкой кофе перелистать русскоязычные журналы и местные толстые газеты на арабском или английском языке. Можно вечером в отеле включить телевизор, выбрать любой из сотни каналов. И в печатных и в электронных СМИ ты утонешь в океане информации (или псевдоинформации) и тебя оболванит реклама автомобилей, драгоценностей, туфель, часов, духов, художественных выставок, концертов, туров – всего, что можно продать.

Нет, в мои-то лета нельзя быть 17-летним романтиком, но душа все равно протестует, когда читаешь рекламу ужина на двоих за 600 тыс. долларов в разных концах мира. Плати – и получишь «все включено»: перелет на двоих первым классом, а то и спецрейсом хоть на край света, соответствующий номер в отеле, напитки и кушанья. А ведь рядом, в соседнем Йемене, в жалких хижинах хорошо, если висят на веревках, спасаясь от крыс, мешочки с зерном, но часто не хватает пищи и воды, а облепленные мухами дети нередко ложатся спать голодными.

А вот сообщение о хоккейном матче между сборной русской командой Эмиратов и шведами. В багажнике автомашины молодого работника российского генерального консульства увидел ботинки с коньками. Он объяснил: да, он круглый год играет в хоккей в сборной русской диаспоры; соперники – десяток других команд, и в 45–48-градусную жару ледовые дворцы обеспечивают возможность тренировок и игр. Ну что ж, в Эмиратах есть и кондиционированные остановки наземного метро, и снежные горки для лыжного слалома.

В 2014 году Эмираты посетили 600 тыс. россиян, которые потратили 1,2 млрд долларов, в 2015 году – чуть меньше. Просто туристы, министры, бизнесмены. Но не только они. В ресторане дорогого отеля «оттягивались по полной» мужчины, громко восклицавшие что-то по-русски. Официант почему-то шепотом объяснил: «Это – «крестные отцы» (по-вашему «авторитеты») русских мафий. Их здесь никто не трогает, они никого не трогают – просто очень щедрые клиенты».

В Шардже, одном из семи эмиратов, недавно воздвигнут и освящен пятиглавый храм святого апостола Филиппа. Кто-то заходит окунуться в прохладную тишину единственной в Аравии православной церкви, кто-то замолить грехи и покаяться.

Только что в Эмиратах прошла выставка-продажа оружия «Дубай эйршоу-2015». Россию представляли 23 компании, которые продемонстрировали более двухсот образцов новейшей военной техники – от многофункциональных истребителей до систем наблюдения и связи. И не только продажа: корпорация «Ростех» создала с эмиратским холдингом «Тавазун» совместное предприятие по производству боеприпасов, в том числе для боевых машин БМП-3.

В ОАЭ я был участником международной конференции по безопасности в районе Персидского (Арабского) залива, организованной Эмиратским центром стратегических исследований. В нем более трехсот сотрудников различных национальностей. Их работы серьезны. Они затрагивают самые злободневные вопросы безопасности, экономики, социальных дел, религии. Директор центра Джамаль Санад аль-Сувейди подарил мне свою книгу «От племени до Фейсбука: роль социальных сетей в трансформации общества».

Эмираты, как и соседние Кувейт и Катар, уникальны: на немногочисленное коренное население пришлось колоссальные нефтяные и газовые богатства. Традиционные лидеры смогли ими рационально распорядиться. Для этого они привлекли и элитную и низкоквалифицированную иностранную рабочую силу, которая в ОАЭ в десять раз превышает по численности местных жителей.

Не об этом речь. Главный вопрос: что нам, то есть России, здесь надо? И ответ удивительно прост: взаимовыгодная торговля, поставки нашего оружия, совместные экономические проекты, привлечение в Россию капиталов из ОАЭ, туризм. Никакой идеологии. Безусловно,

Россия заинтересована в стабильности в зоне Залива, хотя ее параметры требуют особого обсуждения.

Работая над этой, второй частью книги, понял, что многие тайны, механизмы принятия решений в постгорбачевский период остаются за семью печатями. О них удалось узнать меньше, чем раньше, когда многие деятели советского периода могли позволить себе говорить откровенно. Действующие дипломаты и разведчики даже на условиях анонимности сейчас были сдержанны.

Поэтому не могу не отметить с благодарностью беседы, которые были содержательными и помогли понять многое. В здании Торгово-промышленной палаты и в кабинете в Центре международной торговли проходили встречи с Евгением Максимовичем Примаковым. Мой прежний коллега по работе в «Правде», академик, ученый-политолог, экономист, публицист, был последовательно главой разведки, министром иностранных дел, председателем правительства РФ. После того как Б.Н. Ельцин, науськиваемый «семьей» и олигархами, отправил его в отставку, Е.М. Примаков многие годы занимал пост президента ТПП. На его 80-летию, где автор был в «узком кругу» примерно 200 приглашенных, В.В. Путин назвал его «великим гражданином». Далее он сказал примерно следующее: «В годы, когда Россия находилась на грани пропасти, появлялись такие Примаковы, чтобы отвести ее от края». Потом вместе они исполнили песню о Ленинграде «Город над быстрой рекой...».

Много дали беседы с И.С. Ивановым, бывшим министром иностранных дел, секретарем Совета безопасности России. Мы встречались на Малой Якиманке, в офисе созданного им Российского совета по международным делам.

Роль энергетики во внешней политике РФ помог понять бывший министр топлива и энергетики, нынешний председатель Совета Союза нефтегазопромышленников России Ю.К. Шафраник.

Уйдя на пенсию, но сохранив свежий ум, убеждения и даже связи, откровенно говорил со мной бывший глава советской разведки на Ближнем Востоке, уже тяжелобольной А.С. Кулик. Он – из редкой породы почти аскетов, принципиально остался жить в хрущевской квартире, не переезжая в нечто более комфортабельное и престижное, заслуженное генерал-майором Первого главного управления КГБ.

Не отказался от встречи мой давний хороший знакомый шейх Равиль Гайнутдин, председатель президиума Духовного управления мусульман европейской части России, председатель Совета муфтиев России, в своем офисе напротив красавицы – Соборной мечети города Москвы. И как символ наших, российских надежд на сотрудничество и солидарность всех граждан России недалеко находятся и православные храмы, и армянский собор, и олимпийский стадион, не хватает только синагоги и буддийского храма.

Главки о российско-египетских отношениях до 2011 года были сделаны на основе диссертации заместителя министра иностранных дел, бывшего посла в Израиле и Египте М.Л. Богданова, которую автор имел честь курировать. Он же в своем кабинете в мидовской высотке несколько раз давал подробные интервью автору.

Детальными российской политики в Сирии, особенно в связи с участием воздушно-космических сил РФ в гражданской войне, поделился с автором академик В.В. Наумкин, ставший главным советником представителя ООН в Сирии Стаффана де Мистуры.

Фактически соавторством в ряде главок можно считать интервью с П.В. Стегнием. Бывший посол в Кувейте, Турции, Израиле, ученый-историк, блестящий публицист, он выступал как анонимный «дипломат» и в первой части книги, где большинство интервью принадлежало именно ему.

Старый товарищ по «Правде», затем сотрудник журнала «Азия и Африка сегодня», полковник Первого главного управления КГБ СССР Е.М. Русаков согласился не только пройти

по первой части книги в качестве редактора, но и дать интервью от своего имени, что помогло взглянуть на события с «американского угла».

Коллеги-востоковеды А.В. Кортаев, Л.М. Исаев, А.А. Ткаченко, Н.А. Филин, Л.М. Раванди-Фадаи, А.С. Ходунов, а также бывший генеральный консул РФ в Стамбуле Л.И. Манжосин участвовали в обсуждении отдельных эпизодов, изложенных в книге, снабжали автора фактами и событиями. К редактуре второй части книги немало труда и энергии приложил О.И. Тетерин, заместитель автора по журналу «Азия и Африка сегодня».

В начале работы огромный фактологический материал собрал помощник автора С.А. Чуканов. Он же вел переписку на русском, английском и арабском языках. Никаких слов благодарности не хватит, чтобы оценить его труд, прерванный смертью в результате тяжелой болезни.

Перевод на английский был сделан С.В. Костелянцем, который в процессе работы уточнял формулировки и факты русского текста. А перевод на арабский сверяла аспирантка К.В. Мещерякова. Конечно, без самоотверженной работы постоянной помощницы автора С.В. Полуниной, которая только и могла разобрать его каракули или быструю диктовку, данная книга не могла бы появиться.

Таким образом, книгу можно считать как бы коллективной работой. Но если ее достоинства безусловно разделили с автором те, кто с ним беседовал, или его коллеги и помощники, то все грехи и огрехи – исключительно на совести автора.

Часть первая

От мессианства к прагматизму

Глава 1

Истоки

*Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови —
Господи, благослови!*

Александр Блок

Большевики совершили Октябрьскую революцию 1917 года под лозунгом «Долой!». Они несли колоссальный потенциал отрицания, содержащийся в их декларациях и программах. Они отвергали войну, которая унесла в России около двух миллионов жизней, отрицали привилегии и само право на существование дворянства, владевшего едва ли не половиной обрабатываемых земель, зарождавшиеся как бы демократические структуры власти в лице Временного правительства, молодую российскую буржуазию, не успевшую еще выработать формы сосуществования и сотрудничества с рабочими, имперскую систему межнациональных отношений.

Крайние, радикальные лозунги в крайних обстоятельствах захватывали умы и сердца. Пропаганда и агитация большевиков опьяняли: «Мир – народам!», «Земля – крестьянам!», «Хлеб – голодным!», «Фабрики – рабочим!».

В Декларации прав народов России, которая была принята 2 (15) ноября 1917 года, провозглашались:

1. Равенство и суверенность народов России.
2. Право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.
3. Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.
4. Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических [этнических] групп, населяющих территорию России»¹.

Здесь нет ни одного пункта, который не был бы нарушен за годы существования советской власти. Но отрицать привлекательность этой декларации и внутри и вне страны в то революционное время невозможно.

В обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 20 декабря 1917 года, подписанном В.И. Лениным, звучали те же мотивы. В документе говорилось, что арабы, как и все мусульмане, имеют право быть хозяевами своей страны, «устроить свою жизнь по образу своему и подобию»².

Измученным, озлобленным народам большевики несли мессианскую идею спасения – Царства Божьего на Земле, названного новым, неизвестным, таинственным словом «коммунизм». Идеальное общество свободы, равенства, справедливости, благосостояния, любви было совсем рядом. Нужно только последовать за большевиками, поверить им. Тотальное отрицание старого – власти, собственности, права, нравственности, религии – позволяло разрушить «до основания» прежний мир, используя любые средства. И прежняя цивилизация, и сама

человеческая жизнь рассматривались в лучшем случае как строительный материал для забора, ограждающего прекрасный, благоухающий сад коммунистического общества, в худшем – как удобрение для этого сада. Что за новое общество собирались строить, как строить – никто из «профессиональных революционеров», то есть разрушителей, и, как оказалось, умелых разрушителей старого, не знал. Но практика показала устойчивость на десятилетия новых, невиданных ранее форм государственности, партийной диктатуры, ее способность к самосохранению и самовоспроизводству, к обеспечению себе социальной базы сначала в лице части рабочего класса, затем – люмпен-пролетариата (маргиналов, как их сейчас называют).

Многослойная, разветвленная, тотальная пропаганда, несущая обновленную мессианскую идею, стала такой же необходимой составной частью системы, как и аппарат репрессий. Коммунистическая идеология – от марксистско-ленинской теории до газетных и радиоагиток – служила цементом, связывавшим не только отдельные блоки системы, но и живых конкретных людей, нуждавшихся в новой религии, новой вере для оправдания высшими идеалами своего поведения, своих или чужих страданий, нередко – преступлений.

Но сами эти идеалы завораживали и несколько поколений советских людей, особенно новую интеллигенцию, и левых интеллектуалов на Западе, и «борцов за национальное освобождение» на Востоке. «Манифесты новорожденного государства были совершенно новыми для человечества, – напишет спустя много лет египетский историк Ш.А. аш-Шафии. – «Мир между народами!»»,

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Народы колоний, освобождайтесь!», «Мы оказываем моральную и материальную поддержку каждому народу, который хочет освободиться...». Впервые в истории человечества появилась великая держава, которая не хотела никого колонизировать, никого оккупировать, никого эксплуатировать, государство, которое встало на сторону всех освободительных сил мира. Это новое государство предложило Сааду Заглулу помощь оружием, но он испугался и ответил отказом»³. (Во время революционных событий 1919 года в Египте на местах возникали органы власти, которые действительно называли русским словом «советы».)

Пропагандируемые идеалы были оторваны от действительности советского общества, но это мало волновало сторонников социализма на Западе или «борцов за национальное освобождение» на Востоке. Во-первых, абсолютное большинство «друзей СССР» этой действительности просто не знали, питаясь пропагандистскими брошюрами и специально подобранной информацией. Во-вторых, они не хотели ее знать, так как им нужны были идеи, лозунги, примеры, подкрепляющие их собственное политическое поведение или установки. В-третьих, с их точки зрения, во имя светлого будущего человечества русские вместе с другими народами СССР могли и пострадать: в конце концов, любая мессианская идея требует жертв, и они оправданны, в особенности если жертвуешь не ты. В-четвертых, самым главным было реальное политическое поведение СССР на международной арене, которое находило поддержку, если оно соответствовало интересам, задачам или чаяниям как революционеров всех цветов и оттенков на Западе и Востоке, так и пришедших затем кое-где к власти новых политических элит.

Большевики, взявшие власть в России, не знали и не понимали Востока. Опыт работы в мусульманских районах Поволжья и Закавказья, который был у некоторых лидеров Октября, оказался недостаточным для сколько-нибудь дельного анализа ситуации, тенденций общественно-политического развития на тогдашнем Востоке. Находясь в плену некомпетентности и догматизма, они подгоняли сложнейшую действительность стран Азии и Африки под ленинские лозунги и теории. С послеоктябрьских лет до 90-х годов прошлого века основой подавляющего большинства (во всяком случае, политически значимых) исследований советских специалистов по Востоку была компиляция работ западных ученых, препарированных и слобренных марксистско-ленинской фразеологией.

Почему же все это не мешало долгосрочной действенности некоторых лозунгов большевиков, как отдельно взятых, так и сведенных в «научную теорию»? Общественные истины постигаются или путем кропотливого анализа, изучения и синтеза фактов, сопоставления аргументов, или путем озарения, мгновенного охвата сути проблемы и пути ее решения. Таким «озарением» для большевиков было их отрицание всего прежнего мирового порядка, в том числе колониальной системы, политической зависимости одних стран от других. Слишком легко с позиций сегодняшнего дня критиковать ленинскую теорию империализма. Слишком много аргументов можно привести в доказательство того, что колониальная система была гораздо более сложным явлением, чем это было изображено в работах Р. Гильфердинга и А. Гобсона, положенных В.И. Лениным в основу его трудов. Но важно другое – политический вывод из этих посылок: отрицание и призыв к разрушению, то есть к революционной ломке, такого миропорядка, при котором один народ лишает политической независимости другой или резко ее ограничивает. А отсюда следовал практический вывод: признание законными и поддержка всех форм борьбы против колониальной и полуколониальной системы, за национальное освобождение, за право наций на самоопределение, за их политическую независимость.

Такой подход означал, что В.И. Ленин и его последователи до поры до времени шли в ногу с историческим процессом на Востоке, в том числе на Ближнем и Среднем Востоке. Их лозунги полностью или частично отвечали политическим устремлениям руководителей национально-освободительных движений, особенно наиболее радикального их крыла, чаяниям народов. Это означало также, что лидеры Великобритании и Франции, восприняв свою победу над Германией и ее союзниками в Первой мировой войне как акт легитимизации своих имперских амбиций, стремясь сохранить и расширить свои колониальные империи на Ближнем и Среднем Востоке, шли против течения истории, против нарастающих требований политической независимости.

Еще до Октября 1917 года В.И. Ленин писал, что задача социалистов – поддерживать борьбу угнетенных народов за полное национальное освобождение «во всякой ее форме, вплоть до восстания или до войны...»⁴. О предпочтительности мирных методов борьбы руководство КПСС заговорит лишь четыре десятилетия спустя.

По мнению В.И. Ленина, Советская Россия должна была основывать свои отношения с молодыми государствами «на полном разрыве с варварской политикой буржуазной цивилизации, строившей благосостояние эксплуататоров в немногих избранных нациях на порабощении сотен миллионов трудящегося населения в Азии, в колониях вообще и в малых странах»⁵. Уже тогда закладывался тезис о необходимости союза «победившего пролетариата» в Советской России, то есть большевиков и их руководства, с «угнетенными народами Востока», противостоящими империализму, то есть Западу.

В.И. Ленин был убежден, что силу и богатство правящие классы Западной Европы черпают в эксплуатации колоний, а раз эти классы были главными противниками большевиков, то требовались средства для их ослабления, в частности лишение их колоний. Любопытно, что среди 21 условия приема в Коминтерн, разработанного В.И. Лениным, указывалось, в частности, что партия, желающая принадлежать к III Интернационалу, «обязана беспощадно разоблачать проделки «своих» империалистов в колониях, поддерживать не на словах, а на деле всякое освободительное движение в колониях, требовать изгнания своих отечественных империалистов из этих колоний...»⁶. Отношение отдельно взятой коммунистической партии к национально-освободительным движениям было для В.И. Ленина одним из важнейших показателей ее преданности принципам пролетарского интернационализма, иными словами, преданности Советской России, точнее – захватившей в ней власть партии большевиков, а еще точнее – ее руководству.

Идея враждебного окружения зарождалась в годы гражданской войны и иностранной интервенции. По ту сторону границы или линии фронта были враги, которых вот-вот должна была смести пролетарская революция, то есть немецкие, французские, английские большевики. А апокалиптическое видение мира рисовало советскому руководству эпоху гражданской войны пролетариата против буржуазии в передовых капиталистических странах, соединенную с национально-освободительными движениями угнетенных наций. «... Социалистическая революция, – писал В.И. Ленин, – не будет только и главным образом борьбой революционных пролетариев в каждой стране против своей буржуазии, – нет, она будет борьбой всех угнетенных империализмом колоний и стран, всех зависимых стран против международного империализма»⁷.

Национально-освободительное движение, по мнению руководителей Советской России, подрывает самые глубокие основы империализма, в результате чего он теряет сферы выгодного приложения капитала, огромные людские резервы, полезные ископаемые и стратегически важные территории. Империализм в этом случае лишается важных источников сверхприбылей, получаемых за счет эксплуатации колоний, сужается емкость его внешнего рынка, резко уменьшается возможность подкармливать верхушку рабочего класса метрополий, что создает благоприятные условия для борьбы пролетариата капиталистических стран, усиливает их внутренние классовые противоречия. Ни цифр, ни фактов, подтверждавших такую роль колониальной периферии Запада, естественно, не приводилось, да в этом и не было нужды. «Победившему пролетариату» Советской России нужен был союзник, а если его не было, его следовало выдумать.

Подразумевалась и пропагандировалась обратная связь: успехи национально-освободительного движения зависели от успехов Советской России и пролетариата развитых стран Запада. «В *каждом* буржуазном национализме угнетенной нации, – отмечал В.И. Ленин, – есть общедемократическое содержание *против* угнетения, и это-то общедемократическое мы *безусловно* поддерживаем...»⁸ Ведь противостояние Советской России Западу, пролетариата Запада своей буржуазии создавало благоприятные условия для победоносной освободительной борьбы угнетенных народов, так как ослабляло позиции империализма, отвлекало его силы, ограничивало свободу действий на колониальной и полуколониальной периферии.

«Мы всегда стояли, стоим и будем стоять за самое тесное сближение и слияние сознательных рабочих передовых стран с рабочими, крестьянами, рабами всех угнетенных стран. Мы всегда советовали и всегда будем советовать всем угнетенным классам всех угнетенных стран, колоний в том числе, не отделяться от нас, а как можно теснее сближаться и сливаться с нами»⁹, – писал Ленин в те годы. И еще: «Всемирный империализм должен пасть, – сказал он в июле 1920 года, – когда революционный натиск эксплуатируемых и угнетенных рабочих внутри каждой страны... соединится с революционным натиском сотен миллионов человечества, которое до сих пор стояло вне истории...»¹⁰ Пока же империализм не рухнул, «необходимо вести политику осуществления самого тесного союза всех национально- и колониально-освободительных движений с Советской Россией...»¹¹. Этой схеме не откажешь ни в четкости, ни в формальной логике.

Она приобретала тем большую привлекательность, чем больше «запаздывала» революция на Западе. Руководство большевистской партии пробовало почву на Востоке – не развернется ли там массовое движение, которое облегчит положение советской власти, сталкивающейся с колоссальными трудностями, погруженной в кризис в результате политики военного коммунизма. С этой целью в Баку в сентябре 1920 года был устроен грандиозный по тем временам и материальным возможностям спектакль – съезд народов Востока, провозвестник многочисленных форумов солидарности с народами Азии и Африки в 50–80-х годах. Среди участников были, в частности, представители Турции, Ирака, Ирана, Аравии, Сирии, Пале-

стины. Представляли они только самих себя или группки своих единомышленников. Но апокалиптический тон манифеста, обращенного к народам Востока, соответствовал как безумному и трагическому времени созыва съезда, так и интеллектуальному и культурному уровню собравшихся. «Не пожрать вам, собакам, народов Востока, не обратить вам, жалкой кучке угнетателей, в вековое рабство сотни миллионов восточных крестьян и рабочих! – восклицали авторы манифеста, обращаясь к английским капиталистам, правящим кругам Великобритании. – Слишком большой кусок вы захватили, не по зубам вам окажется он, и этим куском вы подавитесь!» Манифест заканчивался призывом к угнетенным народам Востока «подняться на священную войну, за самостоятельную жизнь и счастье всех народов Востока, всех миллионов поработанных Англией крестьян и рабочих его!»¹².

О работе съезда народов Востока высоко отозвался В.И. Ленин. В своем выступлении 15 октября 1920 года он говорил: «Что сделали съезд коммунистов в Москве [II конгресс Коминтерна] и съезд коммунистических представителей народов Востока в Баку, – этого нельзя сразу измерить, это не поддается прямому учету, но это есть такое завоевание, которое значит больше, чем другие военные победы, потому что оно показывает нам, что опыт большевиков, их деятельность, их программа, их призыв к революционной борьбе против капиталистов и империалистов завоевали себе во всем мире признание, и то, что сделано в Москве в июле и в Баку в сентябре, еще долгие месяцы будут усваивать и переваривать рабочие и крестьяне во всех странах мира»¹³.

Из маленькой группы последователей Христа выросло бесчисленное воинство верующих христиан и мировая христианская цивилизация. Из «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» в России – большевистская партия, КПСС, Советский Союз с его союзниками. Съезду в Баку не была уготована подобная роль.

Он остался пропагандистским действием, не имевшим серьезных последствий. Большевик как политическая теория, политическая практика, политическая организация не прижился в арабских странах, в Турции, Иране. Пройдет несколько десятков лет, прежде чем на короткий срок возникнут и исчезнут сильные компартии в Ираке и Судане, произойдут трагические эксперименты реализации марксистско-ленинской схемы на государственном уровне в Южном Йемене и Афганистане. Но о судьбе коммунистического движения в этом регионе мы будем говорить особо.

Частью усилий, направленных на разрушение прежней системы международных отношений, были декларативный «отказ от тайной дипломатии» и публикация тайных договоров из архивов дипломатического ведомства России. Среди них важное место занимал договор Сайкс – Пико² о разделе Азиатской Турции, заключенный Англией и Францией 16 мая 1916 года и согласованный с российским правительством. Договор Сайкс – Пико был доведен до сведения османского правительства, которое передало его текст шерифу Хусейну, возглавлявшему арабское восстание против турок в Хиджазе. Ни хода арабского восстания, ни планов колониального раздела Ближнего Востока эта акция большевиков не изменила, хотя и добавила горечи во взаимоотношения шерифа с англичанами. Тогдашний английский премьер-министр Ллойд Джордж писал в своих мемуарах, что опубликование тайных договоров, определявших судьбу арабских земель из состава Османской империи, «вызвало большое возмущение в арабских кругах»¹⁴.

В период между двумя мировыми войнами возможности СССР на Ближнем и Среднем Востоке были слишком мизерными, Великобритания и Франция слишком могущественными,

² Договор Сайкс – Пико – секретное соглашение о разделе азиатских владений Османской империи. Заключен в Лондоне в мае 1916 г. в форме обмена нотами между Францией и Англией. Назван по имени дипломатов, подготовивших его проект, – англичанина П. Сайкса и француза Ф. Жорж-Пико. Текст договора был опубликован правительством Советской России в ноябре 1917 г.

их оппоненты в регионе слишком незрелыми и разобщенными, чтобы принципиальное различие в подходе к ближневосточной ситуации Москвы, с одной стороны, и Лондона и Парижа – с другой, принесло для СССР сколько-нибудь существенные плоды. Однако, как это не раз бывало в истории, пик чьего бы то ни было могущества означал начало его конца. Так было начиная с Римской империи и кончая распавшимся Советским Союзом. Великобритания и Франция на Ближнем и Среднем Востоке не составляли исключения. Но время крушения их империй и ограниченного триумфа Советского Союза наступит после Второй мировой войны. А пока что во внешней политике СССР на Ближнем и Среднем Востоке все более явственно проглядывал прагматизм великой державы, которая, заявив о полном отрицании прежнего миропорядка, все же обретала некоторые черты государства, вынужденного сосуществовать с другими государствами, подчиняясь давно выработанным, хотя и несколько видоизмененным правилам поведения на международной арене. Противоречивое единство идеологии и практики, мессианской идеи, заложенной в основу Советского государства, и реальных интересов огромной страны определяло и объясняло характер поведения СССР на международной арене, в том числе на Ближнем и Среднем Востоке, и многие успехи и поражения.

В Кремле достаточно рано поняли, что революционный потенциал и Запада и Востока, на который возлагалось столько надежд, оказался иллюзией. Нужно было внутри страны консолидировать власть партии, а на международной арене обеспечить свою легитимизацию, безопасность границ, найти союзников. Когда стало ясно, что о «коммунизации» или «советизации» южных, пограничных с Россией стран – Турции, Ирана, Афганистана – говорить не приходится, советское правительство обратилось к установлению с ними нормальных межгосударственных отношений. Уже тогда стала опробоваться модель будущих отношений СССР со странами «третьего мира». В Москве закрывали глаза на внутреннюю политику этих государств (в том числе на преследование «братьев по классу», идеологических союзников-коммунистов) ради укрепления их независимости, нейтралитета, а в лучшем случае – углубления конфронтации с Западом и сотрудничества с СССР.

С Турцией у Советской России был общий противник – державы Антанты, которые не только уже поделили арабские владения Османской империи, но рвали на части собственно Турцию.

Мустафа Кемаль, возглавивший борьбу турецкого народа за возрождение независимости, установление республики, реформы, идеологически был противником большевиков, но это не помешало сближению двух стран.

16 марта 1921 года в Москве был подписан договор между РСФСР и Турцией «О дружбе и братстве», который урегулировал вопрос о советско-турецкой границе.

Советское правительство заявило о непризнании им международных актов, касающихся Турции, не признанных правительством Великого национального собрания Турции (ВНСТ) (в первую очередь имелся в виду Севрский договор 1920 года, расчленивший Турцию и поставивший ее в зависимость от стран Антанты).

Московский договор был дополнен Карсским договором от 13 октября 1921 года между Турцией и республиками Закавказья, которые к тому времени были «советизированы», и украинско-турецким договором от 2 января 1922 года (подписанным в Анкаре во время пребывания там М.В. Фрунзе). Наконец, 17 декабря 1925 года между Москвой и Анкарой был заключен договор о ненападении и нейтралитете.

21 февраля 1921 года персидскими казаками во главе с Резаханом в Иране был произведен государственный переворот («переворот 3-го хута»). Новое правительство во главе с Сеидом Зия эд-Дином (Реза-хан стал в нем затем военным министром, а через некоторое время объявил себя шахом Ирана) аннулировало фактически уже провалившееся англо-иранское соглашение 1919 года и решило подписать 26 февраля 1921 года советско-иранский дого-

вор. Согласно этому договору, Советское правительство торжественно заявило об отказе от насильнической политики империалистических правительств России, объявило утратившими силу все трактаты, договоры, соглашения, заключенные царским правительством с Ираном и ущемлявшие права Ирана. Оба государства обязались не допускать на своей территории образования и пребывания организаций, ставящих целью борьбу против Ирана и России. Договор в статье 6 предусматривал: «Обе Высокие Договаривающиеся Стороны согласны в том, что в случае, если со стороны третьих стран будут иметь место попытки путем вооруженного вмешательства осуществлять на территории Персии захватническую политику или превращать территорию Персии в базу для военных выступлений против России, если при этом будет угрожать опасность границам Российской Советской Федеративной Социалистической Республики или союзных ей держав и если Персидское Правительство после предупреждений со стороны Российского Советского Правительства само не окажется в силе отратить эту опасность, Российское Советское Правительство будет иметь право ввести свои войска на территорию Персии, чтобы, в интересах самообороны, принять необходимые военные меры. По устранению данной опасности Российское Советское Правительство обязуется немедленно вывести свои войска из пределов Персии»¹⁵. И советские обществоведы, и советские политические деятели этот договор называли не иначе как «образец равноправных отношений».

В феврале 1919 года к власти в Афганистане пришел эмир Аманулла, правительство которого провозгласило независимость Афганистана, что обеспечило новому эмиру поддержку армии и населения.

Отвергнув предложения афганского правительства (3 марта 1919 года) об установлении англо-афганских отношений на основе равноправия сторон, Великобритания развязала третью войну против Афганистана. Советская Россия первой признала суверенитет Афганистана (март 1919 года) и объявила о готовности немедленно обменяться посольствами (письмо В.И. Ленина в Кабул в мае 1919 года). Английская армия потерпела неудачу. По Равалпиндскому договору 1919 года Англия предварительно признала независимость Афганистана. Окончательное признание последовало в 1921 году вслед за заключением советско-афганского Договора о дружбе 28 февраля 1921 года¹⁶.

В 1926 году между СССР и Афганистаном был заключен договор о нейтралитете и взаимном ненападении, аналогичный советско-турецкому договору, но содержащий, кроме того, некоторые дополнительные обязательства сторон. Статья 2, в частности, предусматривала, что каждая сторона будет противодействовать враждебной линии поведения третьих держав в отношении другого участника договора. Это положение вошло в советско-афганский договор 1931 года, продленный в 1936, 1955 и 1975 годах. Кроме того, в договоре содержалась статья, которая устанавливала обязательство взаимно воздерживаться от всякого вооруженного или невооруженного вмешательства во внутренние дела другой стороны и препятствовать на их территории всякой деятельности, направленной против другой стороны. В мае 1928 года состоялся визит в СССР короля Афганистана Амануллы-хана.

В 1924 году СССР установил дипломатические отношения с Хиджазом. В том же году в Джидду, где находились иностранные дипломатические миссии в Хиджазе, прибыл официальный советский представитель. В конце 1925 – начале 1926 года, когда соседний султанат Неджд завоевал Хиджаз и было создано объединенное государство (названное в 1932 году Королевство Саудовская Аравия), советское правительство первым его признало и установило с ним дипломатические отношения. В 1926–1927 годах из СССР в Хиджаз были направлены партии товаров – сахар, нефтепродукты, текстиль.

СССР в 1926 году признал независимость Йемена, у которого были серьезные противоречия и столкновения с Великобританией и Италией. В письме советскому правительству тогдашнего губернатора Ходейды принца Сейф уль-Ислама Мохаммеда говорилось: «Великое Российское правительство бдительно стоит на страже интересов Востока. С этим правительством борются империалисты, направляя на это громадные денежные средства, военные и политические силы, стремясь воспрепятствовать тому, чтобы восточные народы были просвещены духом свободы. Это правительство завоевывает симпатии угнетенных народов. Мы надеемся на установление хороших отношений между нашим и этим правительством»¹⁷.

В 1928 году, когда Йемен подвергался английскому военному давлению с юга и саудовскому – с севера, йеменские представители обратились к полпреду СССР в Хиджазе с просьбой установить официальные отношения между СССР и Йеменом и начать торговлю. Вскоре в йеменский порт Ходейду были доставлены из СССР необходимые товары.

В ноябре 1928 года СССР и Йемен заключили договор о дружбе и торговле. В преамбуле договора указывалось, что он основывается на «признании взаимного равенства Сторон во всем, что касается прав и общих положений, существующих между странами и народами...». В статье 1 подчеркивалось, что Советский Союз признает полную и абсолютную независимость правительства Йемена и его короля¹⁸.

Казалось бы, автору этих строк остается присоединиться к оценкам советской государственной политики по отношению к Турции, Ирану, Афганистану, а также независимым арабским странам как успешному проявлению прагматизма, здравого смысла, соответствия интересам населения России, Советского Союза. Во всяком случае, вся советская литература именно так трактует эти шаги, которые выгодно отличаются от призывов к революциям, борьбе с «лакеями империализма», «кровавыми собаками» и т. п. Но если учитывать, что экономика в глазах советских лидеров всегда была служанкой политики, личные амбиции лидеров стояли выше государственных интересов, а государственные интересы – всегда! – выше человеческих жизней, то можно обнаружить скрытый смысл в действиях тогдашнего советского руководства и элементы абсурда в советской и внутренней и внешней политике.

Внешнюю, как и внутреннюю, политику СССР определяли или люди убеждений, которые во имя своих идеологических принципов готовы были переступить через нормы морали и права, выработанные человечеством, пожертвовать другими, а иногда (гораздо реже) и собой, или люди, с самого начала готовые на все ради выживания, продвижения по иерархической лестнице, личной материальной выгоды. Они и поглотили первых, ибо для идеалистов-«идеологов» бюрократическая структура люмпен-пролетарской диктатуры в СССР не была приспособлена. Или же первые, «идеологи», перерождались во вторую группу, ни на минуту не отказываясь от марксизма-ленинизма и пытаясь применить его на практике. Наконец, среди исполнителей идеологических предначертаний были люди, принимавшие лозунги и идеи всерьез, хотя на деле самые честные из них становились соучастниками политической практики, далеко отстоящей от провозглашенных идеалов.

В.И. Ленин в ответ на просьбу Мустафы Кемалю помочь Турции распорядился отправить туда 60 тыс. винтовок, 2–3 тыс. патронов на каждую винтовку, 108 полевых и 12 тяжелых батарей и 10 млн рублей золотом (стоимость 30 тыс. т муки, равных 60 тыс. т хлеба)¹⁹. Дата отправки – 1921 год. Хлеб в те дни означал человеческую жизнь. Поволжье голодало. Имели место случаи людоедства. Миллионы людей умерли от голода. 10 млн рублей золотом, потраченные на импорт зерна, спасли бы от голодной смерти 2–3 млн человек, которые в течение 1,5–2 месяцев могли бы питаться этим хлебом. Дружественный жест в адрес Турции фактически означал отказ предотвратить ужасающие последствия голода в Поволжье.

Пусть эти расчеты неточны – не весь купленный хлеб и не вовремя дошел бы до голодающих. Но не вызывает сомнения, что во имя политических целей – сотрудничества с Турцией – на алтарь помощи этой стране, помощи в захвате (или возвращении ей) дополнительно нескольких тысяч квадратных километров территории вожди российского пролетариата положили жизни сотен тысяч своих сограждан. Даже с высоты прошедших десятилетий не поворачивается язык назвать подобные действия прагматичными, соответствующими национальным или государственным интересам.

И если бы такая акция была исключением!

Наступили 1930–1931 годы, когда в стране происходила разрушавшая крестьянство и сельское хозяйство коллективизация. Украина и юг России, обладавшие лучшими в мире черноземами, голодали. Миллионы людей умерли. Опять были зафиксированы случаи людоедства. А советские мука, зерно, сахар, нефтепродукты продавались в Хиджазе, Йемене, Эритрее, Джибути, Египте. В 1932 году советское правительство предоставило Турции кредит в размере 8 млн долларов для приобретения в СССР машин и промышленного оборудования²⁰.

Пройдет еще полтора десятка лет, и из голодающей после войны страны в конце 40-х годов будет снова вывозиться зерно. На каких весах можно измерить абсурдность этой политики, этих «внешнеэкономических связей», обрекающих тысячи и тысячи собственных граждан не просто на затягивание поясов, а на голод и, возможно, смерть!

Само выражение «внешняя политика» представляется в таких конкретных проявлениях бессмысленным словосочетанием, как и политика внутренняя. На протяжении всего советского периода истории России как в ее внутренней, так и во внешней политике постоянно присутствовало сочетание высоких идеалов и преступного цинизма, логики и абсурда.

В 20–30-х годах СССР на Ближнем и Среднем Востоке проявлял мало активности. Продолжалась торговля и экономическое сотрудничество с Турцией и Ираном. В Турции с помощью Советского Союза были построены, в частности, текстильные комбинаты.

Экономические отношения с Египтом развивались неудачно, так как в начале 30-х годов советских торговых представителей обвинили в подрывной деятельности и выслали.

В 1937–1938 годах, в разгар кампании сталинских репрессий против партийных и советских кадров, СССР отозвал всех членов своей дипломатической миссии в Джидде. Посол К.А. Хакимов и многие другие дипломаты были уничтожены. При формальном сохранении дипломатических отношений они фактически были прерваны. В тот момент в Москве просто некому было оценить последствия.

Внимание советского руководства было сосредоточено на Европе. Для СССР нацистская Германия, другие державы оси представляли в те годы все более реальную опасность. VII (и последний) конгресс Коминтерна решил, что возвращение к широкому объединенному фронту было единственно правильной стратегией борьбы против фашизма. Одновременно было решено создавать общий фронт «всех демократических стран» против «авторитарных режимов». И коммунистические партии, и все трудящиеся должны были заботиться об интересах СССР, потому что «интересы защиты Советского Союза определяют отношения мирового пролетариата к войне»²¹. Антибританские и антифранцузские действия во всем мире, в том числе на Ближнем и Среднем Востоке, отходили на второй план, за исключением короткого периода, последовавшего за подписанием пакта о ненападении между СССР и Германией.

Во время встречи с министром иностранных дел нацистской Германии Риббентропом народный комиссар иностранных дел СССР В.М. Молотов говорил об общей заинтересованности СССР в направлении от линии Батуми – Баку к Персидскому заливу. Эта туманная формулировка позволила потом многим сторонникам интерпретации советской внешней политики как «имперского экспансионизма» говорить об «извечном стремлении» России к теплым морям. Пожалуй, я бы дал другое объяснение: переговоры и соглашения с Германией были

вызваны стремлением не остаться один на один с немецкой военной мощью, на что была нацелена политика Лондона и Парижа. Если уж и намечался какой-то неопределенный раздел мира за пределами Европы, то Кремль в тот момент хотел бы в районах, лежащих к югу от советских границ, устранить преобладавшее английское влияние и не допустить установления там германского господства. В такой интерпретации советская политика, пожалуй, соответствовала задачам обеспечения безопасности СССР и вряд ли противоречила интересам народов региона.

Агрессия нацистской Германии против СССР заставила Советское правительство в политике на Ближнем и Среднем Востоке руководствоваться логикой войны и выживания. В советской пропаганде «империалистическая держава» Великобритания превратилась в «великую демократическую державу», сражавшуюся против «коричневой чумы». Иран, возглавлявшийся пронацистски настроенным руководством, было решено оккупировать.

25 августа 1941 года в Иран вошли советские войска. Газета «Правда» в соответствии с тоном и логикой тогдашних пропагандистских клише писала: «Старик с седой головой сказал: «Я приветствую вас во имя шестой статьи Договора 1921 года»²².

Одновременно в южные районы Ирана были введены английские войска. Шах Реза Пехлеви отрекся от престола и покинул страну.

Турция сохраняла нейтралитет в войне, пусть и не совсем дружественный. У турецкого руководства не было ни доверия, ни симпатий ни к коммунистам, ни к России. Пожалуй, Сталин и его окружение понимали, что неизвестно, как бы пошла война, если бы Япония нанесла удар не по Пёрл-Харбору, а по Хабаровску и Владивостоку и если бы Турция повторила авантюру 1918 года, рванувшись в Закавказье. Ведь говорил, как стало позднее известно, тогдашний премьер-министр Турции Ш. Сараджоглу гитлеровскому послу фон Папену, что он «как турок» желает поражения России²³. Но у турецкого руководства хватило выдержки, государственного ума, чтобы придерживаться курса, завещанного Ататюрком, и не ввязываться в войну.

В 1943 году были установлены дипломатические отношения между СССР и Египтом.

С окончанием Второй мировой войны соотношение сил в мире коренным образом изменилось. Советские войска – самая мощная сухопутная армия на земном шаре – стояли в центре Западной Европы и в Маньчжурии. Поверженные Германия и Япония лежали в руинах, Франция временно перестала быть великой державой, шла быстрая «советизация» Восточной Европы, превращавшейся в социалистический лагерь, состоящий из «стран народной демократии».

В США, территория которых была фактически не затронута войной и которые обладали тогда половиной промышленного потенциала мира и ядерным оружием, предполагали, что наступила эра Pax Americana. Однако США противостоял сильно пострадавший, но нарастивший военные мускулы Советский Союз.

В арабских странах набирали силу антибританское и антифранцузское движения. Но эти страны мало интересовали Кремль. Соседи – Турция и Иран – другое дело.

Опьяненное победой над чудовищно сильным противником, зная количество своих дивизий и танков, советское руководство решило выжать из Турции максимум уступок, а именно военный контроль над проливами. Вскоре договор от 17 декабря 1925 года был денонсирован. Советское правительство потребовало баз в проливах («совместная оборона черноморских проливов») и возвращения Карса и Ардагана, принадлежавших царской России, но переданных Турции по договору 1925 года. Возможно, что требование вернуть эти нищие, не имеющие стратегического значения куски территории было разменной монетой для главного – баз в проливах. Сталин уже готовил войска для возможного вторжения в Турцию. Но занесенная для удара рука не опустилась. Военная акция против Турции была слишком затруднена: к военной конфронтации с США и Англией из-за баз в проливах Сталин не был готов. Ульти-

матум оказался блефом и произвел обратный эффект – сплотил турецкое общество на националистической, антисоветской, антирусской основе, столкнул турецкое правительство с пути нейтралитета и заставил его добиваться членства в НАТО, а затем выступать зачинщиком или соучастником антисоветских военных блоков на Ближнем и Среднем Востоке. Вместо укрепления безопасности на южных границах произошло значительное и длительное, на десятки лет, ухудшение стратегических позиций СССР: полумиллионная турецкая армия стала составной частью войск НАТО, южный фланг этого блока переместился непосредственно к границам СССР, в Турции появились американские военно-воздушные и ракетные базы с ядерным оружием (последние были размещены в 1961–1963 годах); в пределах радиуса действия американских ракет средней дальности «Юпитер» оказались Украина, юг России, Закавказье и Поволжье.

По мнению американских экспертов, притязания Сталина на проливы стали одной из главных причин и поводов для начала холодной войны. Необходимость оказания военной и экономической помощи Турции наряду с Грецией для защиты их «свободы» фигурировала в выступлении президента США Г. Трумэна перед конгрессом США в марте 1947 года. От этого выступления, которое получило название «доктрина Трумэна», обычно ведется отсчет холодной войны в западной историографии, хотя многие исследователи связывают ее начало с фултонской речью У. Черчилля в марте 1946 года.

Конфронтация с Турцией трагически отозвалась на невинных людях. Несколько десятков тысяч турок-месхетинцев, живших на территории Грузии, были высланы в Среднюю Азию. Здесь уже в 1989 году они стали жертвами погромов и вновь были сорваны с насиженных мест, разбросаны по всему Советскому Союзу, так как Грузия отказалась принять их обратно.

Не менее ошибочные и безответственные действия – правда, в другой форме – были совершены в Иране. Английские и американские оккупационные войска были выведены из Ирана к декабрю 1945 года. СССР был обязан сделать это в течение полугода – к маю 1946 года, но медлил с выводом. Соблазн поставить Иран под советское влияние для Сталина был слишком велик: перед ним лежала бессильная в военном отношении страна, в которой за годы войны резко активизировались и левое движение в лице партии Туде, и националистические движения в Иранском Азербайджане и Иранском Курдистане. А что, если?.. Был дан зеленый свет созданию Азербайджанской и Мехабадской (Курдской) республик в надежде укрепить под советским покровительством их автономию (или независимость), создать источник постоянного давления на Тегеран.

Но Сталин опять просчитался. На этих территориях еще не было сил, готовых всерьез сражаться против центрального правительства. При всей этнической пестроте населения Ирана центристские силы в этой стране были мощнее, чем центробежные, что и было в очередной раз продемонстрировано. Президент США Гарри Трумэн направил Сталину ноту, содержащую почти открытый ультиматум с требованием вывести советские войска из Ирана. США в тот период производили все больше ядерного оружия, которого в СССР еще не было. И, как и в случае с Турцией, Сталин не хотел военной конфронтации с Западом из-за Ирана. Советские войска были выведены, а Азербайджанская и Мехабадская (Курдская) республики разгромлены шахской армией.

Стремясь сохранить лицо и получить кое-какие экономические льготы в Иране, Советское правительство подписало с иранским премьер-министром Кавамом ос-Салтане договор о предоставлении СССР нефтяных концессий и других привилегий в Северном Иране. Но после вывода советских войска и разгрома Азербайджанской и Мехабадской республик иранский меджлис (парламент) отказался ратифицировать этот договор. Отношения между Москвой и Тегераном на долгие годы стали враждебными. Правда, дела даже на том этапе обстояли отнюдь не так безнадежно, как в Турции. Противоречия между Ираном и Англией из-за нефти,

из-за неравноправных договоров были настолько сильны, что более гибкая и умная политика СССР принесла бы дивиденды. Но к тому времени советский лидер вновь оказался во власти теории о враждебности национальной буржуазии – то есть всех националистических, реформаторских сил в Азии и Африке – интересам коммунизма, национального освобождения, а значит, и СССР.

Его видение определялось не только неудачами в Турции и Иране, но и в Израиле. О советско-израильских отношениях предстоит разговор в отдельной главе.

Но здесь отмечу, что надежды получить в лице Израиля дружественное СССР государство на Ближнем Востоке не оправдались. Очередной тяжелый политический провал в «третьем мире» не только спровоцировал антисемитскую кампанию внутри СССР, но обернулся негативным отношением вообще к антизападному («антиимпериалистическому») потенциалу в Азии и Африке.

«Беспощадное разоблачение реакционной буржуазно-националистической идеологии в ее различных формах – будь то кемализм или гандизм, сионизм или панарабизм – ускоряет процесс национального и социального освобождения народов колониальных и зависимых стран...» – писал партийный теоретик академик Е. Жуков. Он отмечал, что национал-реформисты в колониальных и полуколониальных странах «клеветнически» настаивают на своем желании «остаться в стороне» от борьбы между двумя лагерями и на своем «нейтралитете» в так называемом идеологическом конфликте между СССР и США, в то время как в реальности они «вместе с реакционной буржуазией клеветают на СССР и активно помогают империалистам»²⁴.

Спустя несколько лет Государственный секретарь США в администрации Эйзенхауэра Дж. Ф. Даллес, говоря об этих же странах, назовет позицию нейтралитета аморальной. Крайности сходятся. А пока что на XIX съезде партии большевиков изрекли: «Буржуазия в развивающихся странах выбросила за борт знамя национальных свобод»²⁵. И рептильное советское обществоведение на все лады стало повторять, растолковывать, иллюстрировать это бессмертное изречение. Поэтому и крупный иранский буржуазно-националистический лидер Мохаммед Мосаддык оказался «лакеем империализма», а антизападный националист Гамаль Абдель Насер в Египте – едва ли не американским агентом и фашистом.

Настрой советской пропаганды и официальные заявления отражали логику мышления советского руководства. Прежние союзники в войне против германского фашизма и японского милитаризма оказались разъединенными окопами и фронтами холодной войны. Сложился двухполюсный мир. Он был двухцветным – черным или белым. Они или мы, «силы мира и прогресса» или «силы войны и реакции». Третьего не было. Такова была дихотомия мира в глазах советского руководства, впрочем зеркально отражавшая подход Вашингтона.

Капитализм вступил во второй этап своего общего кризиса, утверждали советские обществоведы-теоретики. «Светлое будущее человечества – коммунизм» приближается. Социалистические революции грядут. Они будут происходить в формах вооруженных переворотов и гражданских войн, осуществляемых трудящимися массами под руководством коммунистов, против своей и иностранной буржуазии. Ведь насилие – повивальная бабка истории. Международные отношения – это всего лишь форма классовой борьбы. Учитывая, что война – это продолжение политики иными средствами, капиталистические страны во главе с США готовятся к войне против СССР, ибо «империализм знает», что СССР и «другие социалистические страны» представляют собой базу поддержки для пролетариата Запада и национально-освободительного движения.

Соответственно и Советский Союз, и его союзники должны превратиться в вооруженный лагерь, чтобы дать отпор «проискам империализма» и готовиться к неизбежной войне. Как учил В.И. Ленин, борьба народов за освобождение от колониальной и полуколониальной зависимости ослабляет империализм и поэтому заслуживает поддержки первой страны социа-

лизма и всего социалистического лагеря. Но она будет успешной, если ее возглавят не «лакеи» и «соглашатели», а «пламенные революционеры»-коммунисты.

Только что, в 1949 году, в результате гражданской войны коммунисты одержали победу в Китае, хотя Сталин относился с опаской к коммунистическому гиганту, появившемуся на границах СССР. Шли войны в Корее и Индокитае. Сила, и только сила решала судьбу народов, их продвижение в «светлое завтра».

Появление ядерного оружия поставило под вопрос методы его достижения. Конечно же Сталина не страшили никакие жертвы. Но возможное применение ядерного оружия угрожало существованию рода человеческого.

Появление атомного оружия в США и довольно откровенные заявления Вашингтона об эффективности ядерной «дубины» создавали непосредственную угрозу национальной безопасности СССР и его позициям в мире. Была поставлена задача создать собственное ядерное оружие, затем максимально нарастить ядерный потенциал и средства его доставки к цели. Даже у «либерального» лидера не было бы выбора. Что, в частности, доказало превращение Великобритании и Франции в ядерные державы, в том числе и для увеличения их политического веса в мировой политике.

Выходя за рамки темы, отметим, что жесткая конфронтация, начатая после фактического объявления холодной войны президентом США Г. Трумэнном в марте 1947 года, отражала не только черно-белое видение мира, но и ошибочный подход к отношениям с СССР. Политика Запада (говоря позднейшим языком Мао Цзэдуна – «острие против острия») помогла консолидации советского режима, военно-промышленного крена в развитии экономики и науки.

Заметим для объективности, что даже оторванная от реалий Ближнего и Среднего Востока советская политика и пропаганда в сталинские времена набирала немало очков в арабских странах, где имидж Советского Союза становился все более положительным. СССР поддерживал требования о выводе английских войск из Египта, выступал за предоставление независимости Ливану и Сирии, а затем Ливии. С 1952 по 1955 год представители СССР в ООН неизменно активно участвовали в обсуждении марокканского и тунисского вопросов, поддерживая стремление этих стран к независимости.

Советское правительство, продолжая игнорировать нужды своего народа, находило экспортные ресурсы для того, чтобы продавать их в арабских странах в обмен на товары пусть и нужные для СССР, но второстепенные по сравнению с продовольствием, которого не хватало. В 1948 году, в условиях нехватки продовольствия в стране, СССР согласился поставить Египту 235 тыс. т пшеницы в обмен на 38 тыс. т хлопка²⁶.

В октябре 1951 года правительства США, Англии, Франции и Турции предложили арабским странам и Израилю участвовать в так называемом Средневосточном командовании для совместной обороны Ближнего и Среднего Востока. Этот план предусматривал и посылку западных военных миссий, и размещение на территории этих стран иностранных войск, и предоставление баз Средневосточному командованию. Советское правительство в резкой ноте осудило этот план. Вот что заявило в те дни Каирское радио: «Египет полностью согласен с мнением советской ноты о том, что участие арабских стран в совместном Средневосточном командовании ограничило бы суверенитет этих стран и подчинило бы их эгоистическим интересам великих держав»²⁷. Аналогичные заявления сделали руководители Сирии и Ливана.

20 октября 1951 года влиятельная египетская газета, орган правящей партии Вафд, «Аль-Мыри» («Египтянин»), писала: «События последних дней с полной несомненностью доказали, что Египту больше нечего ждать чего-либо хорошего от империалистических держав... Нам не остается ничего другого, как повернуться к новому союзнику, который одобряет нашу политику и который помог бы нам осуществить наши национальные чаяния»²⁸. В мае 1951 года член сирийского парламента Абд аль-Латиф Юнис заявил: «Я требую от сирийского пра-

вительства, от правительств других арабских стран поскорее заключить договоры с Советским Союзом»²⁹.

Глава 2

Взлеты и падения Хрущева

Сначала надо ввязаться в бой – а там видно будет.
Наполеон Бонапарт

Мы вам покажем кузькину мать.
Никита Хрущев

Когда в марте 1953 года наследники Сталина взяли в свои руки бразды правления гигантской страной и получили преобладающие позиции в еще более огромном социалистическом лагере, перед ними встал ряд политических приоритетов.

Первый и главный из них – борьба за власть. Эта борьба, в которой Никита Хрущев проявил незаурядное искусство и одержал ряд весомых побед, все же завершилась его падением. Второй – ситуация внутри страны. Третий – положение в социалистическом лагере. Четвертый – взаимоотношения с США и в целом с Западом, прежде всего в контексте холодной войны и военного соперничества. «Третий мир» в числе приоритетов не фигурировал.

Все советские лидеры находились под грузом идейно-политического наследия Сталина, разделяя с большей или меньшей искренностью его основополагающие взгляды. Но кругозор Никиты Хрущева, полуграмотного самородка, ставшего крупным политическим деятелем с богатейшим опытом практической работы за пределами Кремля, фигуры больше трагической, чем комической, был шире, чем у многих из его окружения. Политический инстинкт подсказал ему и его единомышленникам необходимость отказаться от наиболее одиозных форм правления его предшественника, закрыть концлагеря, искать новые формы сосуществования и борьбы с Западом. Постепенно в сферу его внимания попал и «третий мир».

Никита Хрущев фактически заменил сектантский большевистский лозунг «Кто не с нами – тот против нас» на новый: «Кто не против нас – тот с нами». Он установил дружеские отношения с премьер-министром Индии Джавахарлалом Неру и президентом Индонезии Сукарно. Посетив в конце 1955 года эти страны, а также Афганистан вместе с тогдашним председателем Совета министров Николаем Булганиным и убедившись, что обстановка там совсем не соответствует сталинским схемам, он понял, что курс афро-азиатских государств, которые провели в апреле 1955 года в Бандунге свою конференцию и приняли пять принципов мирного сосуществования («панча шила»), не противоречил интересам СССР, а скорее увеличивал дистанцию между этими государствами и Западом.

Хрущев и его окружение внимательнее стали присматриваться к значительному антизападному («антиимпериалистическому») потенциалу во многих арабских странах и без труда заметили их готовность сотрудничать с СССР.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XX съезду партии (февраль 1956 года), сделанном Хрущевым, содержалось не только «разоблачение культа личности Сталина». Авторы доклада впервые большое внимание уделили и «третьему миру». Они отмечали, что наступил «предсказанный Лениным» новый период всемирной истории, когда народы Востока стали принимать активное участие в решении судеб всего мира. Обращалось внимание и на то, что, в отличие от довоенного периода, подавляющая часть стран Азии выступает теперь на мировой арене в качестве суверенных государств, отстаивающих свое право на самостоятельную внешнюю политику. «Международные отношения, – говорилось в докладе, – вышли за рамки отношений государств, населенных по преимуществу народами белой расы, и начинают приобретать характер подлинно всемирных отношений»³⁰. Об этом же говорилось и в резолюции съезда, в которой было впервые указано, что «силы мира» значительно умножились «в связи с появ-

лением на мировой арене группы миролюбивых государств Европы и Азии, провозгласивших принципом своей внешней политики неучастие в военных блоках». В результате этого создавалась обширная «зона мира», включающая как социалистические, так и несоциалистические «миролюбивые государства Европы и Азии» и «охватывающая больше половины населения земного шара»³¹.

На XXI съезде КПСС (январь – февраль 1959 года) был сделан новый шаг в оценке реалий «третьего мира»: большинство колониальных и полуколониальных стран, которые еще не так давно представляли собой «резервы и тылы империализма», перестали быть таковыми. Эти страны «борются против империализма и колониализма, за свободу и национальную независимость»³². XXII съезд КПСС (октябрь 1961 года) пошел дальше: выход молодых независимых государств Азии и Африки на мировую арену, их активная роль в решении проблем войны и мира «существенно изменили соотношение сил в пользу миролюбивого человечества»³³, то есть СССР и его союзников, привели к серьезным изменениям во всей системе международных отношений. На XXI и XXII съездах КПСС отмечалось, что национальная буржуазия, ставшая у власти в ряде освободившихся стран, еще не исчерпала своей прогрессивной роли и способна участвовать в решении насущных общенациональных задач. Но доверия к «национальной буржуазии» все же не было, потому что «по мере обострения классовой борьбы» внутри страны она проявляет все большую склонность к «соглашательству с империализмом и внутренней реакцией».

Более гибкая и успешная, чем раньше, политическая практика требовала видоизменения уцелевших мессианских лозунгов, без которых она пока что не могла существовать, отказа от заскорузлых формулировок. Хрущевское руководство достаточно быстро и для того периода успешно нашло новые клише для теоретического и пропагандистского оформления своей политики в «третьем мире»: «некапиталистический путь развития», «революционная демократия», «национальная демократия».

Итак, мир уже не выглядел черно-белым, не был разделен исключительно на «них» и на «нас». Мир приближался к «светлому будущему», но этот путь не обязательно лежал через кровавые войны. Изменилось и соотношение мировых сил «в пользу социализма», появилась возможность предотвратить «агрессивные действия империализма». Формы перехода к социализму могли быть разнообразными, включая мирное развитие революции.

Вряд ли Хрущев ставил под вопрос ленинско-сталинскую идею «общего кризиса капитализма», «научно обоснованного» перехода к «коммунистической формации». «Я в восторге от Нью-Йорка города. Но кепчонку не сдерну с виска. У советских собственная гордость: на буржуев смотрим свысока» – Никита Хрущев с полной искренностью мог бы повторить наивные слова Владимира Маяковского. Однако новый советский лидер отверг идею обязательной кровавой бани при «смене формаций». И это было одним из выдающихся новшеств. Когда он говорил американцам: «Мы вас похороним», он имел в виду только социально-политическую, но не военную и не человеческую сторону. От войны как продолжения политики другими средствами в ядерную эпоху он отказывался (хотя, как показала практика, мог блефовать, и по-крупному). Он искренне выступал за мирное сосуществование, но на основе соревнования, в том числе в военно-политической сфере (без развязывания всеобщей ракетно-ядерной войны), с расчетом на победу социализма в лице Советского Союза.

Когда автор этих строк спросил Анатолия Громыко, сына бессменного на протяжении более четверти века руководителя советского внешнеполитического ведомства, какое событие больше всего воздействовало на образ мышления его отца и других советских лидеров, то услышал в ответ: «22 июня 1941 года»³⁴. Подобный же ответ в разных вариантах и с разными акцентами давали все без исключения деятели старшего поколения, формулировавшие или осуществлявшие советскую внешнюю политику. Без понимания этого факта невозможно пра-

вильно оценить видение мира советским руководством вплоть до Михаила Горбачева, в том числе и оценку ситуации на Ближнем и Среднем Востоке.

22 июня 1941 года – дата начала самой жестокой, самой истребительной, самой большой по жертвам и разрушениям войны в истории нашей страны. Глубочайшая травма войны определила политическое поведение и внутри страны, и на международной арене последующих двух поколений. «Ах, милый, только б не было войны» – рефрен популярной в России песни означал, что граждане СССР были готовы на все, чтобы избежать войны. Чтобы не было войны, нужно было идти на лишения и жертвы. Чтобы не было войны, нужно было к ней готовиться, стать сильными, и тогда никто не посмеет напасть на СССР.

В Вашингтоне рассматривали ядерное превосходство как важнейший элемент сдерживания СССР; в Москве считали превосходство сухопутных войск и танковых дивизий в Европе, готовых «проутюжить» страны НАТО до Атлантики, средством сдерживания США. Понять друг друга лидеры противостоявших блоков были не в состоянии.

Пожалуй, правы западные политологи, которые писали, что советские лидеры были «одержимы» проблемой безопасности. Американские лидеры не могли их понять – через подобную национальную трагедию американское общество не прошло, ни одна бомба не упала на континентальную часть Америки. Но «одержимые» русские должны были десятилетиями жить в условиях близости американских и английских баз с находившимся на них оружием первого удара. Достаточно было взглянуть на карту, чтобы увидеть кольцо этих баз вокруг Советского Союза. Для «неодержимых» американских лидеров подобный уровень угрозы был абсолютно неприемлем. Умный, сдержанный, но решительный президент Джон Кеннеди подвел страну к грани ядерной войны, когда Никита Хрущев пошел на авантюру – попытался в 1962 году установить советские ракеты средней дальности на Кубе. С его точки зрения, он показывал американцам «кузькину мать», то есть подвергал их той же угрозе, какой они подвергали Советский Союз. Тогда Хрущев проиграл. Но менее чем через десять лет, нарастив свои арсеналы межконтинентальных ракет, две державы оказались-таки в равном положении, приобрели способность многократного взаимного уничтожения и начали договариваться об ограничении стратегических ядерных вооружений.

(Заметим в скобках: американцы не понимали, что происходит в голове советских руководителей, как и в Москве не понимали американской внешней политики, особенно определяющих ее внутривнутриполитических факторов. Именно поэтому в Москве так высоко оценили ядерный шантаж участников «тройственной агрессии» в 1956 году – об этом ниже. Только после кубинского кризиса и особенно после прихода к власти Р. Никсона, начала переговоров об ограничении стратегических вооружений в 1969 году обе столицы, наконец, стали постепенно разбираться друг в друге. Но разрядка после Никсона под напором «ястребов» в обеих столицах стала постепенно угасать.)

Нас здесь интересует другое. Воздействовала ли психология людей, одержимых безопасностью и «комплексом 22 июня 1941 года», на формирование советской политики на Ближнем и Среднем Востоке? Ответ однозначно утвердительный. На Ближнем и Среднем Востоке были западные военные базы (или появились в Турции в результате ошибочной политики Сталина), нужно было их убрать, а значит – поддерживать тех, кто выступал за их ликвидацию. Напомним, что американские базы находились в Марокко, Ливии, Турции, Пакистане, Саудовской Аравии, а также в Греции, Италии и Испании, английские – в Ираке, Ливии, Египте, Судане, Палестине, Трансиордании, в аравийских владениях, на Кипре. Региональные военные союзы, с точки зрения советских лидеров, представляли собой продолжение НАТО и вероятный плацдарм для действий против СССР, поэтому нужно было их подрывать, поддерживать те силы – пусть националистические, религиозные, антикоммунистические, – которые добивались их роспуска.

По логике Никиты Хрущева, унаследованной от Ленина, помогая странам Ближнего и Среднего Востока завоевывать, а затем укреплять свою независимость, СССР ускорял процесс умирания капиталистического Запада: ведь без источников сырья, рынков сбыта и дешевой рабочей силы Запад не выживет. Таким образом, может быть, четко не сформулированная, но достаточно ясно ощущаемая и подразумеваемая задача состояла в том, чтобы превратить весь регион в группу политически независимых нейтральных государств, не имеющих иностранных войск и баз на своей территории, поддерживающих дружеские экономические, политические и другие отношения с СССР хотя бы на таком уровне, какие существовали с Турцией между двумя мировыми войнами.

Легко заметить, что, хотя лидеры СССР и местные националисты исходили из разных посылок и руководствовались разными стимулами, их политические цели временно совпадали или, по крайней мере, были близки.

Что касается поворота этих стран к социализму, то это было бы желательным венцом политических усилий СССР, но вовсе не стояло в качестве ближайшей задачи. В конце концов, «все человечество двигалось к социализму», должны были в свое время прийти к нему и страны региона. Да и дороговато обходились «страны народной демократии», чтобы расточать скудные ресурсы СССР на новые социалистические страны, если бы таковые появились в районе Ближнего и Среднего Востока.

Опять-таки не знание конкретной обстановки, а скорее наитие, озарение, политическое чутье, определенное осознание логики глобальной борьбы двух сверхдержав помогли Никите Хрущеву занять правильную позицию на Ближнем и Среднем Востоке, которая привела его к несомненным успехам. Этот регион – в особенности арабские страны – был для СССР чистым листом бумаги, *tabula rasa*. На этом листе Никита Хрущев смело начал писать свою собственную политику. Он был эмоциональным, волевым руководителем, готовым идти на риск.

События на Ближнем и Среднем Востоке и в «третьем мире» в целом развивались неудержимо, подчиняясь своим внутренним законам и собственной логике. Упорное нежелание руководителей Великобритании, Франции (как и Бельгии, Португалии) расстаться с «бременем белого человека», понять, что их время прошло, порождало вражду к ним народов «третьего мира», вызывало ненависть у политических элит, которые в принципе были готовы с ними сотрудничать. Практика показывала, что у колониальных держав для проведения имперской политики не было ни сил, ни средств, ни воли, и они обращали свои взоры за помощью и поддержкой к могущественному лидеру Запада – США. У США не было в странах Ближнего и Среднего Востока имперского прошлого, «американская мечта» захватывала умы представителей новых классов и многих интеллектуалов. Популярность США была необычайно высока.

Но, не одобряя действий своих союзников, США предпочитали не выступать против них. Для Государственного секретаря США Даллеса главным врагом был коммунизм, и он практически разделял сектантский лозунг коммунистов 20–30-х годов «Кто не с нами – тот против нас». Для противостояния «коммунизму» и «советской экспансии» страны Ближнего и Среднего Востока «должны были» вступать в военные блоки, возглавляемые державами Запада. Если лидеры Турции и Ирана эти призывы встречали благожелательно, то для арабов они были просто непонятны. А американское, английское, французское давление вызывало обратную реакцию. Усилия Дж. Ф. Даллеса просто облегчали советскую политику в «третьем мире», в частности на Ближнем и Среднем Востоке. Национальной задачей массовых политических течений, многие лидеры которых пришли затем к власти в арабских странах, было завоевание и укрепление государственной независимости, а значит – разрыв политически неравноправных договоров с метрополиями, ликвидация военного присутствия Запада, особенно военных баз, укрепление собственных вооруженных сил как средства защиты национального суверенитета и престижа, символа нового, равноправного статуса, развитие независимой экономики,

что подразумевало устранение привилегированных позиций иностранного капитала, особенно иностранных нефтяных компаний. Та внешняя сила, которая могла отождествить свою политику с этими чаяниями народов и амбициями политических элит, естественно, становилась их союзником. Противник Великобритании и Франции в этом регионе автоматически превращался в друга арабов и других народов.

Итак, «стол был накрыт». Ждали лишь гостя. Им мог быть только Советский Союз, декларированная политика которого объективно отвечала общему направлению исторического процесса в регионе и настроениям народов. Но для окончательного «приглашения» СССР в регион обе стороны должны были преодолеть каждая свой барьер. Для лидеров региона барьер был выше – боязнь распространения коммунизма, вскормленная и собственными националистическими и социальными инстинктами, и долголетней западной пропагандой, и официальным советским атеизмом. Но слабость местных компартий и невосприимчивость масс к коммунистической идеологии уменьшали эти опасения. Что же до коммунизма в СССР, то, по их мнению, это – дело и выбор его народов, а имидж, создаваемый советской пропагандой, некоторые элементы советской социально-политической модели, военные и индустриальные успехи СССР, подкрепляемые грохотом танковых гусениц на эффектных парадах, производили немалое впечатление на местные политические элиты. Во всяком случае, слово «социализм» (хотя и не «коммунизм») стало привлекательным, а слово «капитализм» олицетворяло политическое, экономическое и военное господство Запада и приобрело ругательный оттенок.

Для советской стороны требовалось меньше усилий – нужно было лишь отказаться от выдуманного ярлыка «прислужников» и «соглашателей», которым наградили всех некоммунистических лидеров Ближнего и Среднего Востока и вообще «третьего мира», и понять, что развитие событий в регионе открывает новые возможности и вполне укладывается и в мессианское видение мира, и в задачу укрепления безопасности СССР, если к теории и практике подходить более гибко, чем в сталинские времена.

24 февраля 1955 года был создан военный союз между Турцией, Ираком, Великобританией, Пакистаном и Ираном, названный Багдадский пакт. На Египет, Сирию, Ливан, другие арабские страны оказывалось давление с целью заставить их присоединиться к этому договору. Против Багдадского пакта было направлено Заявление МИД СССР «О безопасности на Ближнем и Среднем Востоке» от 16 апреля 1955 года. В этом документе говорилось о том, что в основе политики создания военных группировок с участием ближне- и средневосточных стран «лежит стремление к колониальному закабалению этих стран некоторыми западными державами», которые «не имея возможности установить и сохранить свое господство старыми способами... пытаются втянуть страны Ближнего и Среднего Востока в агрессивные блоки под... фальшивым предлогом, будто это отвечает нуждам обороны стран данного района»³⁵. В Заявлении говорилось, что Советский Союз «будет защищать свободу, независимость и невмешательство во внутренние дела государств Ближнего и Среднего Востока»³⁶.

Для нового советского руководства в 1954–1955 годах было естественным желание перепрыгнуть пояс стран Среднего Востока и протянуть руку арабским режимам, которые по собственным соображениям отказались участвовать в планируемых Западом военных союзах. Египет, самая влиятельная и самая населенная арабская страна, ключ к арабскому миру, открывал наиболее захватывающие перспективы. Правда, всего лишь в 1952–1953 годах в Москве новых лидеров Египта называли «буржуазно-националистическими» деятелями и «агентами западного империализма». Но кого волнуют сказанные сгоряча слова, когда обнаруживаются общие политические интересы?

В Каире Советский Союз не считали врагом. Врагом была Англия. Арабским соперником Каира был Багдад, где правил монархический режим, тесно связанный с Великобританией.

Гамаль Абдель Насер стремился создать сильный Египет с хорошо вооруженной армией. Мечта о независимых, эффективных вооруженных силах жила в Египте еще со времен унизи-

тельного поражения Мухаммеда Али в середине XIX века и навязанного Англией после оккупации ею Египта в 1882 году сокращения египетских вооруженных сил до символических размеров. Западные державы были связаны обязательствами ограничить поставки вооружений на Ближний и Средний Восток, не желая усиливать здесь противников Израиля и предоставлять оружие непредсказуемым режимам. Они отказывались удовлетворить амбиции Насера. В любом случае условием поставки оружия они ставили участие Египта в планируемых военных блоках и прибытие туда американской военной миссии. Насер стал думать, хотя и не без опасений, о другом источнике оружия, и сейчас чистой схоластикой представляется вопрос: кто первым предложил заключить сделку – СССР Египту или Египет СССР? Две страны уже шли навстречу друг другу.

Гамаль Абдель Насер участвовал в выработке концепции и политики сначала позитивного нейтралитета, а потом и неприсоединения и был одним из основателей Движения неприсоединения. Молодой полковник установил тесные дружественные отношения с премьер-министром Индии Джавахарлалом Неру, президентом Индонезии Сукарно и президентом Югославии Иосипом Броз Тито. В середине февраля 1955 года Неру и Тито посетили Египет. Они решительно высказались против Багдадского пакта. У Египта соперником был Ирак, у Индии – Пакистан. Югославия питала забытое недоверие к Турции. Насер глубоко уважал Неру как старшего по возрасту сподвижника и выдающегося политического лидера. Возможно, что Неру и Тито подсказали Насеру, как воспользоваться в своих интересах соперничеством между Западом и Востоком. На конференции в Бандунге в апреле 1955 года Насер встречался с премьером Государственного совета КНР Чжоу Эньлаем. Видимо, он пришел к выводу, что, идя на сближение с коммунистическим блоком, укрепит свои позиции в торге с Западом. Насер недооценил опасность этой игры, когда на Западе, тоже находившемся в плену собственных догм и стереотипов, его стали рассматривать как коммунистического агента и врага.

Принятие решения попросить о советской военной помощи было ускорено израильским военным рейдом на Газу 28 февраля 1955 года. Военное бессилие заставило Насера действовать незамедлительно. 27 сентября 1955 года он объявил о подписании египетско-чехословацкого соглашения о военно-техническом сотрудничестве.

Лидеры Запада, особенно США и Великобритания, были в ярости. Реакция на это сообщение была самой негативной. Но чем громче и резче критиковали Насера на Западе, тем выше поднимались его престиж и авторитет в Египте и во всем арабском мире.

Возможно, что для Хрущева, который вел крупную игру на Западе, пытаясь зондировать почву в вопросе о разоружении, действия через Чехословакию казались более приемлемыми. 26 июля 1956 года Насер признал, что на самом деле это было соглашение между Египтом и СССР. В соответствии с этим соглашением Египет должен был получить тяжелого вооружения на 225–250 млн долларов в обмен на будущие поставки хлопка. СССР обязался поставить истребители МиГ-15 и МиГ-17, бомбардировщики Ил-28, средние и тяжелые танки, артиллерию, подлодки, торпедные катера, два эсминца, снаряжение³. Египетские офицеры стали проходить подготовку в Чехословакии и Польше, а затем и прямо в СССР. Советские и восточноевропейские военные инструкторы появились в Египте.

В 1953–1956 годах Насер подписал ряд соглашений об экономическом, техническом и культурном сотрудничестве с Китаем и восточноевропейскими странами. В целях усиления безопасности Египет в октябре 1955 года заключил оборонительные соглашения с Сирией и – неожиданно для многих – Саудовской Аравией. В апреле 1956 года к оборонительному союзу трех арабских стран присоединился Йемен.

³ Конкретные данные по этому вопросу взяты автором из западных источников. Несчастье любого российского исследователя состоит в том, что до сих пор он не может пользоваться официальными советскими/российскими публикациями по данным вопросам.

Мысль о необходимости «наказать» Насера и тем самым преподать урок всему «третьему миру» бродила в голове лидеров Запада еще до национализации компании Суэцкого канала. Когда же 26 июля 1956 года на митинге в Александрии Насер объявил о национализации, в Лондоне и Париже было принято решение вновь оккупировать зону канала, а заодно и расправиться с неудобным президентом.

Пока шли переговоры и конференции, тщательно планировалась и готовилась военная операция «Мушкетер», к которой был привлечен и Израиль.

Египетское правительство с самого начала кризиса заявило, что выплатит компенсацию держателям акций компании и будет уважать свободу судоходства в Суэцком канале в соответствии с духом и буквой Константинопольской конвенции 1888 года⁴. Западные правительства на Лондонской конференции пользователей каналом (август 1956 года) пытались вынудить Египет вернуть контроль над Суэцким каналом Великобритании и Франции. На конференции присутствовала и советская делегация во главе с министром иностранных дел Дмитрием Шепиловым. Из-за разногласий среди участников никаких решений принято не было. Советская делегация вместе с неприсоединившимися государствами сорвала антиегипетские планы. Но ни Англия, ни Франция, в которых полным ходом шли военные приготовления к операции «Мушкетер», не были заинтересованы в мирном решении конфликта.

В ночь с 29 на 30 октября 1956 года израильские войска вторглись на Синай. 30 октября вопрос о действиях Израиля был поставлен на обсуждение в Совете Безопасности ООН. Но, разыгрывая свой сценарий, Англия и Франция в тот же день направили Египту и Израилу ультиматум, требуя отвести их войска от канала. 31 октября англо-французская авиация бомбардировала зону канала, Каир, Александрию. Последовали резкие протесты СССР, дипломатические акции в ООН с целью поддержать Египет.

Операция «Мушкетер» оказалась не столь успешной, как предполагалось. Египетская армия потерпела поражение, но еще была способна оказывать сопротивление. Насеровский режим устоял, несмотря на военные неудачи. Еще до начала военных действий и в арабских странах, и во всем мире поднялась антизападная волна такой силы, что США отмежевались – и довольно решительно – от своих союзников, а впоследствии осудили их в ООН. (Поэтому обычное утверждение, присутствовавшее в советской литературе по Ближнему и Среднему Востоку, о том, будто бы США «попустительствовали», «потакали агрессорам», были с ними «в сговоре», – лишь дань обычной антиамериканской риторике.)

У советского руководства появился золотой шанс, и оно его не упустило. Всей мощью своей пропагандистской машины и дипломатического ведомства СССР обрушился на западные державы, завоевывая себе все больше сторонников. Совпадение военных акций против Египта с вспыхнувшим в Венгрии путчем против навязанного этой стране сталинистского режима позволило Никите Хрущеву с наименьшими политическими потерями подавить его. Но это не все. В разгар военных операций в зоне канала, зная о негативном отношении к ним США, Хрущев решил на мастерский ход – угрозу применить силу, – а затем и на ядерный блеф.

5 ноября 1956 года министр иностранных дел СССР Шепилов направил телеграмму председателю Совета Безопасности, в которой потребовал срочного созыва Совета для обсуждения вопроса о невыполнении Великобританией, Францией, Израилем решения Специальной чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН и о немедленных мерах по прекращению агрессии против Египта. В этой же телеграмме содержался проект резолюции, в которой предусматривалось, что если требования о прекращении агрессии не будут выполнены, то все

⁴ Константинопольская конвенция 1888 года – международная конвенция об обеспечении свободного плавания по Суэцкому каналу. Заключена Австро-Венгрией, Великобританией, Германией, Испанией, Италией, Нидерландами, Россией, Турцией и Францией. Впоследствии к ней присоединились и другие государства.

члены ООН, и прежде всего СССР и США, окажут Египту военную помощь. Советское правительство заявляло, что оно «готово внести свой вклад в дело обуздания агрессоров, защиту жертв агрессии, в дело восстановления мира путем отправки в Египет необходимых для этих целей военно-воздушных и военно-морских сил»³⁷. Отметим, что ни военно-воздушных, ни военно-морских сил, готовых для действий в районе Ближнего Востока, у Советского Союза тогда не было.

В ночь с 5 на 6 ноября глава советского правительства направил послания главам правительств Англии (Антони Идену), Франции (Ги Молле) и Израиля (Бен-Гуриону), в которых заявил о своей «решимости применением силы сокрушить агрессоров и восстановить мир на Востоке»³⁸.

Этот ядерный ультиматум – первый и единственный такого рода ультиматум в ядерную эпоху – в общем-то замалчивается в западной литературе. Любопытно, что в раскрытых уже английских архивах как раз документы, фиксирующие реакцию на этот ультиматум и оценку возможного советского поведения, остались засекреченными.

Случайная удача позволила автору этих строк найти в английских архивах документ, проливающий свет на британскую (и, возможно, французскую) реакцию на ультиматум³⁹. Речь идет о меморандуме, подготовленном британским Комитетом начальников штабов для правительства Новой Зеландии накануне суэцкой авантюры:

«Коммунистический блок не оставил свою долгосрочную цель установления мирового коммунистического господства... Советские лидеры пришли [однако] к заключению, что при современном оружии массового уничтожения глобальная война может привести к взаимному разрушению на совершенно неприемлемом уровне. [Советский] блок поэтому, если иметь в виду обдуманый акт политики, не начал бы глобальной войны и не пошел бы на рассчитанный риск там, где он считает, что существует опасность глобальной войны в результате этих действий. [Советский] блок поэтому предполагает, что политика «мирного сосуществования» представляет наилучшие возможности для расширения его влияния... Риск глобальной войны, следовательно, происходит в настоящее время из ошибочного расчета. Это могло бы произойти в двух случаях:

а) антикоммунистические государства могут неправильно оценить реакцию другой стороны при данной сумме обстоятельств...

б) две стороны могут оказаться вовлеченными в спор, который в своей основе не был спором между ними. Из-за своей поддержки неблоковых стран или через «политику» конкурентного сосуществования [советский] блок может оказаться глубоко вовлеченным в споры между западными и неблоковыми странами, например между Англией и Египтом...

Мы заключаем, что:

а) в условиях отсутствия радикального изменения политической или военной ситуации глобальная война как акт намеренной политики в наибольшей степени невероятна в ближайшие пять, возможно, десять лет. Несмотря на это, остается возможность глобальной войны из-за неправильных расчетов;

б) в настоящее время ограниченные войны, прямо вовлекающие китайско-советский блок, наиболее вероятно могут быть результатом неправильного расчета».

Итак, Сталин был предсказуем, но Хрущев мог «неправильно рассчитывать» свои действия. СССР, по оценкам, вряд ли был готов пойти на риск ядерной войны. Но что, если «этот мужик», Никита Хрущев, не блефует? Что, если он действительно не понимает степени риска? А что, если США не поддержат союзников? Лучше отступить.

Профессор Уолт Ростоу, бывший советник в администрации Эйзенхауэра, с которым автор встречался в Остине (Техас) 17 сентября 1990 года, рассказал: «Оценка возможного поведения Хрущева американской администрацией была примерно такой же, как об этом сви-

детельствует найденный вами документ. Об этом мне говорил приближенный к президенту Эйзенхауэру Генри Кэбот Лодж, бывший в то время постоянным представителем США в ООН»⁴⁰.

Суэцкий кризис оказался звездным часом для советской политики на Ближнем и Среднем Востоке и личным триумфом Никиты Хрущева. Привожу почти полную запись беседы с тогдашним министром иностранных дел СССР и кандидатом в члены президиума ЦК КПСС Д.Т. Шепиловым, возможно, в то время последним из живых политических лидеров СССР той эпохи⁴¹. Оставляю некоторые подробности нашей беседы просто потому, что они характеризуют советских участников той исторической драмы и атмосферу тех дней.

Д.Т. Шепилов. Англичане и французы вели себя бесцеремонно. Начались угрозы, ультиматумы и т. д. Но в конце концов Суэцкий канал был построен на костях и крови египтян. Насер произвел на меня очень хорошее впечатление с первой поездки, с первого знакомства как очень честный человек, который действительно любит арабскую землю, арабский народ. Я был на одном митинге. Никогда не забуду – сотни тысяч людей и Насер выступал с речью: «Если нужно, я отдам всего себя, всю свою кровь, каплю за каплей, за дело освобождения арабских народов... А если Насер не выполнит своих обещаний – казните Насера!» Буря, рев сотысячной толпы! Было что-то мистическое во всем этом. Я почувствовал, как он популярен. Он возглавлял группу новых людей, разночинцев, которые пришли к власти и хотели освободить страну от иностранного господства. В числе главных мер была национализация Суэцкого канала. Акт был совершенно законным. Когда последовали ответные энергичные опасные меры со стороны Запада, мы решили предотвратить здесь военное столкновение. Главная наша линия заключалась в том, чтобы не допустить военного конфликта в этой очень чувствительной зоне мира.

Но у Хрущева все было по настроению: сегодня – так, завтра – по-другому. Поэтому можно было ждать любых неожиданностей. Я, забегаю вперед, расскажу один эпизод. Когда Лондонская конференция пользователей канала заканчивалась, я вдруг получаю шифротелеграмму за подписью Хрущева и Булганина: «На одной из последних пресс-конференций разделайтесь как следует с империалистами, дайте им как следует...» Когда все кончилось, победа осталась на нашей стороне, мы оказались вместе с Индией, Индонезией, Цейлоном, предложения Даллеса не были приняты. Тогда я подумал: «Зачем я буду в итоговой пресс-конференции обострять отношения?» Я провел пресс-конференцию спокойно. Когда вернулся в Москву, позвонил Хрущеву, он говорит: «Ну, приезжайте ко мне».

Автор. Он на «вы» или на «ты» был с вами?

Д.Т. Шепилов. На «вы»... Первое время он относился ко мне очень хорошо. Принимал мои советы. «Ну что вы спрашиваете? Действуйте, решайте сами», – и в международных делах, и в идеологических вопросах. Он сам искал встреч со мной и ставил вопросы. С ним было интересно. Он был великолепный рассказчик с феноменальной памятью.

Автор. Он был малограмотный?

Д.Т. Шепилов. Он был практически неграмотный. Читать он еще научился, а писать нет. Но память у него была потрясающая. Это был самородок. Но на глазах шла эволюция человека, имеющего беспредельную власть. Он почувствовал вкус к власти, и начались все эти изобретения его: то ракеты к горлу Соединенных Штатов на Кубу, то от Сухуми до Якутска сеять кукурузу... Он относился очень ревниво ко всем. Малейшее возражение – и следовали меры, вплоть до организационных. («Организационные меры» на партийном жаргоне означали снятие человека с поста. – А.В.) Скажем, идет президиум ЦК. Начинается спор по вопросам металлургии. Тевосян говорит ему: «Никита Сергеевич, я же лучше тебя знаю! Я же все-таки у Крупна работал». За эту фразу Тевосян был снят с работы, направлен послом в Японию, затем заболел.

Короче говоря, бонапартизм. В этой связи он, конечно, накуролесил... Но первое время он почти каждое воскресенье приезжал ко мне или один, или с Ниной Петровной (жена Н.С. Хрущева. – А.В.), или даже со всем семейством. Мы гуляли, обсуждали проблемы. А теперь он вызывает меня после Лондонской конференции. «Слушайте, а почему вы не выполнили директиву мою и Николая? Почему вы по морде не вдарили империалистам?» Я говорю: «Никита Сергеевич, не было необходимости. Конференция прошла хорошо, мы выиграли, канал остался у египтян. План Даллеса о создании ассоциации пользователей каналом провалился. Зачем же нам обострять отношения? Выиграли в одном и портить отношения с другими странами, с теми же Соединенными Штатами? Не было нужды». – «Да, вы – опасный человек, вы – опасный. Вы что, хотите сами внешнюю политику вести?» Я говорю: «Я сам не хочу вести, я хорошо понимаю, кто у нас руководит внешней политикой. Ну не было, поймите, по совокупности обстоятельств, уверяю вас, что не было необходимости устраивать такой мордобой». «Нет, нет, нет! Вы – опасный человек. Поэтому мы за то, что вы так хорошо провели конференцию, отметим это дело, а за невыполнение нашей директивы – тоже отметим, но по-другому». Впрочем, в тот момент «оргвыводов» не последовало.

Автор. А вы знали тогда, к моменту этой конференции, что между США, с одной стороны, и Англией и Францией – с другой, были серьезные разногласия?

Д.Т. Шенилов. Конечно знал. Мы понимали значение этих разногласий. Особенно остро складывалась обстановка для англичан. Я приехал на знаменитую Даунинг-стрит. В нарушение протокола вышел на улицу Иден – умница, обаятельный, влиятельный политик. Но не чувствовал он, куда идут события. Он говорил: «Господин министр, вы поймите, отдать Суэцкий канал арабам, Насеру с его бурным темпераментом – это для нас, англичан, – вот... – И он провел рукой по шее. – Вот что такое для Англии Суэцкий канал. Поэтому я вас прошу понять, почему мы так резко реагируем на позицию Насера о национализации канала». Я говорил ему, что нельзя же так, все-таки это – египетская территория, канал построен египтянами, что за ними – право национализации. Вы можете обговорить свои условия, но не больше.

Автор. Вы уже знали, на какие меры СССР может пойти в противодействии англичанам и французам?

Д.Т. Шенилов. С самого начала я был твердо и категорически настроен, что ни при каких условиях нельзя довести это дело до военных осложнений. Что касается Хрущева, то с присутствием у него темперамента и колебаниями и его «мы им еще покажем кузькину мать» он был способен на что-то необычное. Но когда начинался трезвый и спокойный разговор, он понимал.

Автор. Советский ракетно-ядерный ультиматум – это продуманный блеф?

Д.Т. Шенилов. Конечно. Было твердое решение не доводить дело до военного конфликта. Но кое-какие меры психологического порядка я продумал и осуществил. Скажем, послов Франции, Англии и Израиля я вызывал ночью. Представьте – ночь, красные от бессонницы глаза, необычность обстановки, суровый тон, предупреждение. Русский язык богатый. Ведь слово «предупреждение» не обязательно означает, что мы будем действовать.

Автор. Но они не были в этом уверены?

Д.Т. Шенилов. Они не были уверены. Очень скоро мы почувствовали, что они начинают искать пути, как выпутаться из этой истории. На пользу дела пошла и экстравагантность Хрущева: «Черт его знает, что он может выкинуть...» И вот я из этого исходил. Мы, конечно, использовали психологический фактор до конца. Но твердо, твердо про себя имели в виду: ни в коем случае не допустить войны.

Автор. А у вас не вызывало опасения, что такая «политика на грани» чревата непредсказуемой реакцией с той стороны? А вдруг та сторона решится нанести упреждающий удар?

Д.Т. Шенилов. Тогда это было невозможно. В основном из-за американской позиции. У Англии кишка была тонка, а США из-за них начинать войну не хотели. У США не было веских и серьезных оснований, чтобы идти на военный конфликт. Это вот и сыграло важную роль.

Автор. Я хотел бы в подтверждение вашей мысли и правильности этого расчета привести один документ, который я нашел в английских архивах. Его авторы, оценивая намерения Советского Союза, как раз и высказали такую мысль: эмоциональность нового русского руководства придает элемент непредсказуемости, ошибочного расчета при развязывании ядерной войны. Меморандум был подготовлен недели за две до кризиса и, видимо, отражал точку зрения британского командования и британского правительства.

Д.Т. Шепилов. Я тоже исходил из того, что вот эта якобы неуравновешенность Хрущева, якобы отсутствие ответственности за каждое слово – то, что было у его предшественников, – и давали основания думать, что СССР будет готов вмешаться.

Автор. Но не считаете ли вы, что успех вот такого рода «политики на грани», а затем неправильная оценка Хрущевым президента Кеннеди после встречи в Вене подтолкнули его на такой авантюристический шаг, как размещение ракет на Кубе? Не действовал ли он под впечатлением суэцкого успеха?

Д.Т. Шепилов. Я думаю, что вы правы. Хотя меня уже не было в политике, я был уже в ссылке в Киргизии. Кеннеди мог пойти на конфликт, он был достаточно решительный человек, бывший моряк, человек с твердым характером.

Автор. Как вы считаете, политику больше определял Хрущев или Булганин?

Д.Т. Шепилов. Внешнюю политику со всеми ее плюсами и минусами, конечно, определял Хрущев. Булганин... Это был очень недалекий человек, узко мыслящий, серый. Иногда у Хрущева, с его экстравагантностью, находились какие-то зерна разумного, субъективно или объективно Булганин не был способен ни на инициативу, ни на свежую идею.

Автор. А вашего предшественника Молотова как вы оцениваете?

Д.Т. Шепилов. Очень сложный вопрос. Молотов – член партии с IV съезда, был вместе с Лениным, человек как будто бы безупречный, работает день и ночь и т. д. О его участии в сталинских преступлениях мы не знали. Сложилась такая репутация, что это второй после Сталина человек. Я вспоминаю похороны Сталина. Стоит Жуков Георгий Константинович, держит подушечку с орденом. Все маршалы несли подушечки с орденами Сталина. Я подошел и говорю: «Как ты думаешь, кто?» Он отвечает: «Что тут думать, наверное, судя по тому, как все идет до сих пор, – Молотов. Но ты знаешь мое отношение к нему. Молотов – жесткий исполнитель, способный на очень тяжкие меры. Но, по-видимому, другого выхода нет». Но Хрущев смог оказаться наверху.

Затем бывший министр рассказал свою версию, как он оказался вместе с Молотовым, Маленковым, Кагановичем против Хрущева, проиграл и приобрел «самую длинную в стране фамилию» – «И-Примкнувший-К-Ним-Шепилов». Но это – за рамками темы.

Кейс Кайл в очень объемистом труде «Суэц. Конец империи на Среднем Востоке по-британски» смог отразить реакцию в западных столицах на советский ультиматум. В письме на имя Бен-Гуриона единственный раз в истории советское руководство ставило под вопрос само существование еврейского государства. Это было холодным душем для Тель-Авива. Французам и англичанам пришло послание: «Мы преисполнены решимости сокрушить агрессоров, используя силу, и восстановить мир на Востоке». В послании президенту США предлагалось действовать совместно, чтобы пресечь агрессию, на что, естественно, он отрицательно отреагировал, но не поддержал союзников.

Советники Антони Идена обратили внимание на шифровку английского посла в Москве Уильяма Хейтера, в которой он утверждал, что лишь ясное совпадение английских позиций с американскими «остановит этих людей (русских. – *А.В.*) от совершения опасных актов сумасшествия». Многие его советники разделяли эти опасения. Опасение «реальных советских действий» на Ближнем Востоке существовало. Американский посол в Париже Дуглас Диллон в два часа ночи был приглашен в Матиньон, где премьер Ги Молле спросил посла, что США

будут делать, если на Францию обрушатся советские ракеты. По мнению посла, члены кабинета, собравшиеся в Матиньоне, «были напуганы до смерти». Диллон заявил, что США будут действовать в соответствии с договором НАТО, но в ответ на пожелание Ги Молле получить подтверждение этому из Вашингтона ответил, что сейчас в США проходят выборы и никакого ответа в течение нескольких часов не будет. И Иден и Ги Молле были готовы на прекращение огня, но – чтобы сохранить лицо – «под американским спонсорством», а не под советским нажимом. Американская разведка сообщила из Москвы о возможной посылке добровольцев на Ближний Восток и советской авиации – на сирийские аэродромы.

Три государства-агрессора были полностью изолированы. Египет и Израиль к утру 6 ноября уже согласились на прекращение огня⁴². Фунт стерлингов падал, подталкиваемый американцами, и Великобритании грозило банкротство. К вечеру 6 ноября Лондон и Париж, не имея поддержки Вашингтона, согласились на прекращение огня⁴³.

Уже 6 ноября 1956 года премьер-министр Великобритании Иден направил председателю Совета министров СССР послание, в котором сообщалось, что правительство Англии дало распоряжение своим вооруженным силам в Египте прекратить огонь в полночь с 6 на 7 ноября. В тот же день председатель Совета министров Франции Ги Молле направил Председателю Совета Министров СССР послание, гласившее, что Франция согласна на окончательное прекращение огня в Египте, как только подобное желание будет выражено Израилем и Египтом и как только вооруженные силы ООН будут в состоянии выполнить возложенные на них задачи. 8 ноября последовало такое же послание премьер-министра Израиля Бен-Гуриона, в котором сообщалось о прекращении израильскими войсками огня в Египте.

Видя, что успех достигнут, Советский Союз продолжал набирать пропагандистские очки. В связи с этим в Заявлении ТАСС от 10 ноября 1956 года указывалось, что советские люди не останутся пассивными наблюдателями международного разбоя и что, если агрессоры, вопреки решениям ООН, не выведут всех своих войск с территории Египта, советское правительство «не будет препятствовать выезду советских граждан-добровольцев, пожелавших принять участие в борьбе египетского народа за его независимость»⁴⁴. Это был малый блеф в дополнение к успешному большому.

Прекращение вооруженных действий против Египта в арабских странах отнесли за счет позиции СССР. Так, 6 ноября 1956 года в телеграмме председателю президиума Верховного Совета СССР президент Сирии Шукри Куатли писал: «Справедливая, благородная и смелая позиция, занятая Советским Союзом в отношении варварской и преступной агрессии стран-колонизаторов против Египта, встретила горячее одобрение со стороны арабской нации, жаждущей мира, свободы и суверенитета». «Ваши бессмертные решения принять политические и военные меры для того, чтобы приостановить агрессию в соответствии с существующими принципами ООН, – говорилось в телеграмме председателя палаты депутатов Иордании, – обеспечили Вам вечную дружбу и признательность арабского мира»⁴⁵.

В СССР предпочли замалчивать требование президента США Эйзенхауэра, направленное трем странам, прекратить военные действия и отвести войска с Синая и из зоны Суэцкого канала.

Не вызывает сомнений, что реакция на национализацию Суэцкого канала в правительстве Великобритании и Франции была последним серьезным всплеском имперских амбиций, тщетной попыткой помешать историческому процессу, который шел во всем «третьем мире».

Не только ради Суэцкого канала и свержения Насера пошли на «тройственную агрессию», обернувшуюся авантюрой, руководители Великобритании, Франции и Израиля. Англия бросила в бой значительные военные силы во имя сохранения Британской империи хотя бы в том виде, в каком она существовала в середине 50-х годов. Франция в Египте воевала за Алжир и колониальную империю в Африке. Израиль – за ослабление и возвращение в западный лагерь

крупнейшей и опаснейшей для него арабской страны. Они политически проиграли войну на Суэцком канале и на международной арене. Вскоре Великобритания и Франция вывели войска из зоны канала, а Израиль – под давлением США – с Синайского полуострова. Спустя несколько лет Великобритания и Франция лишились практически всех своих колониальных владений.

В 50–60-х годах волны антизападного национализма на Ближнем и Среднем Востоке то вздымались, то опускались, сменяясь обычной для региона междоусобицей, но в целом нарастали. Пока Москва поддерживала арабов против Запада и одновременно (хотя и с оговорками) против Израиля, ставшего в глазах арабов символом «поселенческого колониализма» и «форпостом Запада в регионе», влияние и престиж СССР были высоки. Кризис и разочарование друг в друге наступят позднее. Пока что отношения в целом укреплялись, расширялось сотрудничество, затрудняемое или прерываемое иногда из-за репрессий против коммунистов и идеологических споров, кажущихся сейчас смешными.

Для американской администрации неспособность Великобритании и Франции удерживать позиции Запада в регионе, рост влияния и престижа СССР были в высшей степени тревожными сигналами и подталкивали к действиям. 5 января 1957 года президент США Д. Эйзенхауэр обратился к конгрессу со специальным посланием о политике Соединенных Штатов в странах Ближнего и Среднего Востока, которое получило впоследствии название «доктрина Эйзенхауэра». Президент охарактеризовал положение в регионе как «критическое» и потребовал позволить ему использовать там вооруженные силы США в любой момент, когда он сочтет это необходимым, не испрашивая разрешения конгресса. Президент настаивал также, чтобы ему были предоставлены полномочия оказывать странам данного региона военную и экономическую помощь. Одновременно он призвал арабские страны отказаться от сотрудничества с Советским Союзом и его союзниками. Ни для кого не было секретом, что «доктрина Эйзенхауэра» была направлена против СССР.

Советское правительство быстро на нее отреагировало. Уже 13 января 1957 года было опубликовано Заявление ТАСС в связи с посланием президента США конгрессу. «Доктрина Эйзенхауэра» была названа «грубым вмешательством в дела арабских стран», она «противоречила принципам и целям ООН» и «таила в себе серьезную угрозу миру и безопасности в районе Ближнего и Среднего Востока». Советское правительство заявляло, что цели «доктрины Эйзенхауэра» носят «явно корыстный характер» и заключаются в том, чтобы навязать региону «режим некоего военного протектората и отбросить развитие этих стран вспять на многие годы». Советская угроза арабским странам – «клеветническое измышление», так как Советский Союз заинтересован лишь в том, «чтобы в районе Ближнего и Среднего Востока, расположенном в непосредственной близости от его границ, существовал мир, а страны этого района добивались успехов в укреплении своей экономической и политической независимости». Предполагаемое правительством США использование своих вооруженных сил на Ближнем и Среднем Востоке, отмечалось в Заявлении ТАСС, может привести «к опасным последствиям, вся ответственность за которые целиком ляжет на правительство США»⁴⁶.

11 февраля 1957 года советское правительство предложило свой проект «Основных принципов Декларации правительств СССР, США, Англии и Франции по вопросу о мире и безопасности на Ближнем и Среднем Востоке и невмешательстве во внутренние дела стран этого района». Эти принципы должны были включать:

- 1) сохранение мира путем урегулирования спорных вопросов исключительно мирными средствами на основе переговоров;
- 2) невмешательство во внутренние дела стран Ближнего и Среднего Востока, уважение их суверенитета и независимости;
- 3) отказ от всяких попыток вовлечения этих стран в военные блоки с участием великих держав;

- 4) ликвидацию иностранных баз и вывод иностранных войск с территории стран Ближнего и Среднего Востока;
- 5) взаимный отказ от поставок оружия этим странам;
- 6) содействие экономическому развитию стран Ближнего и Среднего Востока без каких-либо политических, военных или иных условий, несовместимых с их достоинством и суверенитетом⁴⁷.

Можно заметить, что в заявлениях советского правительства содержалось немало конструктивных элементов, на которых после соответствующей доработки и согласования могли бы основываться важные договоренности, направленные на укрепление мира и безопасности на Ближнем и Среднем Востоке. Но в целом принятие подобных предложений означало бы существенное отступление Запада и ослабление его позиций. Немало позитивных идей содержалось и в заявлениях США. Но вряд ли и в Москве, и в Вашингтоне думали о чем-либо большем, нежели о пропагандистских выигрышах в духе холодной войны. Учитывая атмосферу, которая господствовала в западных столицах в те дни, совсем не удивительно, что Дж. Ф. Даллес отвергал советские инициативы как игру, направленную на то, чтобы заставить Запад признать за СССР статус великой державы на Ближнем Востоке. Впрочем, можно предполагать, что в тот период, успешно используя антизападную риторику и добиваясь серьезных политических успехов в регионе, советское руководство действительно было не слишком заинтересовано в реальных договоренностях с Западом, которые могли бы ограничить свободу действий Москвы.

В августе 1957 года сирийский министр обороны Халид аль-Азм подписал в Москве соглашение о военном и экономическом сотрудничестве. После его возвращения в Дамаск три сотрудника американского посольства были объявлены персонами нон грата якобы за участие в заговоре с целью государственного переворота и возвращения к власти смещенного прозападного диктатора Адиба Шишекли. Все еще помнили о перевороте против Мосаддыка в Иране и роли США в этом перевороте. Поэтому возможность участия спецслужб США в действиях против сирийского правительства воспринималась почти как нечто само собой разумеющееся. Вскоре Халид аль-Азм назначил начальником генштаба Афифа аль-Бизри – офицера, известного своими прокоммунистическими симпатиями. В Вашингтоне и в других западных столицах складывалось мнение, что коммунисты вот-вот возьмут власть в Сирии. Доклады посольств и спецслужб из Бейрута, Багдада и Аммана преувеличивали влияние и силу коммунистов Сирии и возможности Советского Союза вмешиваться в сирийские события.

В конце августа на Ближний Восток был направлен личный посланник президента Эйзенхауэра Лой Гендерсон, представитель США в Совете Багдадского пакта. Он вел переговоры с руководителями Ирака, Иордании, Турции, Ливана, видимо, о возможном вмешательстве в Сирии. В своих мемуарах президент Эйзенхауэр писал, что в американской администрации был достигнут консенсус по поводу того, что «настоящий режим в Сирии должен уйти, в противном случае коммунисты скоро полностью возьмут власть в свои руки».

Турция сконцентрировала войска вдоль сирийской границы, американский 6-й флот был подтянут в Восточное Средиземноморье, США стали перебрасывать оружие в Иорданию, Ирак и Ливан.

СССР вел интенсивную пропаганду против Турции, США и Багдадского пакта и направил ряд жестких нот турецкому правительству.

10 сентября 1957 года председатель Совета министров СССР направил послание премьер-министру Турции, в котором подчеркивалось, что, принимая во внимание близость района Ближнего и Среднего Востока к советским границам и учитывая интересы своей государственной безопасности, СССР не может пройти мимо развития событий, чреватого возникновением вооруженного конфликта в этом районе. Правительство Советского Союза

обращалось к турецкому правительству с призывом не принимать участие в вооруженной интервенции против Сирии и содействовать ослаблению напряженности на Ближнем Востоке и предупреждало, что Турция «могла бы навлечь на себя лишь большие несчастья, если бы она стала руководствоваться советами тех иностранных кругов, которые отнюдь не заинтересованы в поддержании мира на Ближнем и Среднем Востоке»⁴⁸. В том же духе было выдержано и заявление ТАСС о положении на Ближнем и Среднем Востоке от 19 октября 1957 года. СССР призвал ООН немедленно вмешаться в происходящее, с тем чтобы «пресечь возможность возникновения и развертывания войны». В случае нападения на Сирию, говорилось в заявлении ТАСС, она не останется одинокой, ибо тогда Советский Союз «примет все необходимые меры к тому, чтобы оказать помощь жертве агрессии»⁴⁹. В советской и западной пропаганде тон накалялся. Но Советский Союз вмешиваться не собирался, хотя соответствующие жесты были сделаны.

В сентябре советская военно-морская эскадра посетила сирийский порт Латакию с дружественным визитом. К концу сентября руководители арабских государств, которые планировали участие в антисирийских действиях, под давлением собственного населения, настроенного решительно антизападно, должны были отказаться от непопулярных и, возможно, опасных по внутренним соображениям действий. Оставалась только турецкая карта. Но разыгрывать ее и в политическом, и в военном отношении было чрезвычайно опасно.

В качестве дружеского жеста Насер 13 октября перебросил по воздуху египетские войска в Сирию. 24 октября маршал Константин Рокоссовский, прославленный полководец времен Великой Отечественной войны, был назначен командующим Закавказским военным округом. Начались комбинированные маневры сухопутных и военно-морских сил в Закавказье и районе Черного моря. Кризис достиг апогея.

Но и СССР, и США стремились избежать столкновения. Хрущев неожиданно появился 29 октября на приеме в Москве, устроенном по случаю национального праздника Турции, и высказался за мирное решение конфликта. В западных столицах отказались от прямого вмешательства в дела Сирии. Кризис пошел на убыль.

Международное давление на Сирию в конце октября прекратилось. Но внутри Сирии обстановка оставалась в высшей степени нестабильной, баланс сил был неясен. Сирийское руководство и сирийское высшее офицерство, опасавшееся коммунистов, решились пойти на объединение с Египтом. 1 февраля 1958 года возникло государство, названное Объединенная Арабская Республика.

Казалось, что политический процесс шел в сторону укрепления арабского единства под знаменем панарабизма и, возможно, расширения границ этой республики за счет новых стран. Прозападные режимы в Ираке, Иордании, Ливане чувствовали опасность. Тесное сотрудничество было налажено между хашимитскими династиями⁵ в Ираке и Иордании.

В Ливане, принявшем в 1957 году «доктрину Эйзенхауэра», антизападные и пронасеровские настроения были сильны. Страна вползала в гражданскую войну.

В Восточное Средиземноморье начали стягиваться вооруженные силы США и Великобритании. Обсуждались планы интервенции в Сирию с возможным привлечением иракской армии.

В июле 1958 года премьер-министр Ирака Нури Саид, дядя короля, отдал приказ иракским войскам направиться в Иорданию. Предполагалась возможная совместная операция против Сирии в случае, если над Ливаном нависнет угроза победы сторонников Насера. Вместо этого бригада под командованием Аб-дель Керима Касема вошла в Багдад и осуществила пере-

⁵ Х а ш и м и т с к и е д и н а с т и и – династии мусульманских правителей, основанные Хашимитами – представителями рода, к которому принадлежал пророк Мухаммед. Правил Хиджазом (1908–1925), Сирией (1918–1920), Ираком (1921–1958). Находятся у власти в Иорданском Хашимитском Королевстве (с 1921 г.).

ворот. Монархия была свергнута, Нури Саид повешен, король Фейсал II убит. 14 июля 1958 года была провозглашена Иракская Республика. Вскоре Ирак вышел из Багдадского пакта, переименованного потом в Организацию Центрального договора – СЕНТО. Насер совершил секретный визит в Москву.

Правительства Ливана и Иордании обратились к Западу за помощью. Американские войска уже 15 июля были высажены в Ливане, а 17 июля в Иорданию через воздушное пространство Израиля были переброшены британские войска. Гамаль Абдель Насер, только что побывавший в Москве, снова вылетел туда, чтобы узнать о советских намерениях. Но Хрущев явно не собирался вмешиваться. Были лишь объявлены совместные советско-болгарские маневры на болгарско-турецкой границе.

Правила поведения СССР и США на Ближнем Востоке становились почти ритуальными. Делались заявления, устраивались угрожающие демонстрации, но одновременно принимались все меры, чтобы избежать прямого столкновения.

Никита Хрущев 19 июля 1958 года направил политические послания главам правительств США, Англии, Франции и Индии. Советское правительство опровергало утверждения западных держав о «вмешательстве ОАР во внутренние дела Иордании и Ливана» и квалифицировало ввод туда британских и американских войск как «грубое нарушение Устава ООН и неспровоцированную агрессию». Вместе с тем советское правительство призывало немедленно созвать совещание глав правительств СССР, США, Англии, Франции и Индии при участии Генерального секретаря ООН, чтобы незамедлительно принять меры по прекращению конфликта⁵⁰.

Советское правительство сделало и достаточно резкое предупреждение Анкаре, которая предоставила США право использовать военную базу в Инджирлике как перевалочный пункт для американских войск, перебрасываемых в Ливан.

Начались обычные взаимные обвинения, обмен нотами, заявлениями в ООН. Западные державы положительно высказались по поводу послания Хрущева, но ставили дополнительные условия, которые были отвергнуты советским правительством. Ни западные державы, ни Советский Союз не были готовы к встрече и не стремились к ней.

За время ливанского и иорданского кризисов США и Великобритания продемонстрировали готовность к решительным действиям во имя поддержки своих союзников. Прозападные правительства в Ливане и Иордании сохранились. Советский Союз проявил осторожность в смысле практических акций, но продемонстрировал разнообразие антизападных политических шагов и богатую палитру пропаганды, завоевывая все больше сторонников в арабском мире, 2 октября англичане вывели свои войска из Иордании, а 25 октября США – из Ливана.

Образование ОАР было воспринято в Москве со смешанными чувствами. С одной стороны, это был акт, как бы укрепляющий «антиимпериалистические» силы на Ближнем и Среднем Востоке. Но, с другой стороны, с левыми силами в Сирии, с сирийскими коммунистами связывались большие идеологические надежды, им больше доверяли. В этом смысле Насер еще вызывал подозрения, советские лидеры не могли расстаться со своими предубеждениями против его «мелкобуржуазного национализма». В Сирии, как и в Египте, он продемонстрировал, что не потерпит существования независимых политических организаций, в том числе коммунистических.

Когда ливанский и иорданский кризисы сошли на нет, оказалось, что коммунисты были против гипотетического объединения арабских стран. Иракские и сирийские коммунисты вели интенсивную антинасеровскую кампанию. Насер ответил широкой антикоммунистической и антисоветской кампанией в своих органах массовой информации, а затем отправил коммунистов за решетку и в Египте, и в Сирии.

В Советском Союзе нехотя вступили в полемику с египетскими органами пропаганды. Еще 27 января 1959 года Хрущев в Отчетном докладе XXI съезду КПСС сказал: «Мы, ком-

мунисты, и все прогрессивные силы, естественно, симпатизируем тем, кто сражается за социальную справедливость. Мы не отрицаем, что у некоторых лидеров ОАР есть идеологические различия с нами. Но по вопросам борьбы с империализмом, укрепления политической и экономической независимости стран, которые освободились от колониализма и борются против опасности войны, наша позиция совпадает с их позицией»⁵¹.

В январе 1961 года «Правда» перепечатала информацию из итальянской коммунистической газеты «Унита» о том, что египетские власти арестовали 200 коммунистов и сочувствующих им и выслали их в район, где уже в течение нескольких лет находятся 800 «борцов за демократию»⁵².

29 мая 1961 года была опубликована статья по поводу смерти Фараджаллы Хелу – лидера ливанских коммунистов. Он был арестован в Дамаске, и его «пытали до смерти в египетской секретной полиции»⁵³. Советские газеты приводили заявления международных организаций, требующих освободить Хелу. 31 мая «Правда» дала ответ на антикоммунистические выпады «Аль-Ахрам» и «Аль-Мусаввар» в статье за подписью «Комментатор», то есть санкционированной международным отделом ЦК КПСС⁵⁴.

Тем временем в Сирии широко распространилось недовольство объединением с Египтом. Оно усилилось после издания Насером декретов о национализации собственности сирийской средней и крупной буржуазии. 28 сентября 1961 года высшее офицерство Сирии совершило антинасеровский переворот, и Сирия вновь стала независимой. Удар по панарабским иллюзиям и по гордости Насера был велик. Но президент ОАР реалистически оценил тот факт, что за переворотом в Сирии не стояли ни Советский Союз, ни коммунисты, и вновь вернулся к прагматической политике сотрудничества с СССР.

Советское руководство понимало, что необходимо делать ставку на Египет, ибо это была ключевая, самая влиятельная, самая стратегически важная страна арабского мира.

Непросто развивались отношения СССР с послереволюционным Ираком. Попытки наладить с ним тесное сотрудничество принесли Москве много горечи и разочарований. После первоначальной эйфории в связи с приходом к власти режима Касема в советском руководстве возобладала обеспокоенность и тревога. Все более неопределенной становилась внутренняя ситуация в Ираке. Когда в Багдаде отмечали первую годовщину революции, кровь текла по улицам Киркука, крупного города на севере Ирака. Там происходили столкновения между курдами и туркоманами (туркменами). В них вмешались местные коммунисты, или те, кто называл себя коммунистами, и стали сводить счеты со своими политическими противниками, «реакционными элементами». В Мосуле были убиты сотни баасистов. Касем подавил волнения силой.

Но коммунисты и их союзники осуществляли террор против политических противников и посредством возглавлявшихся полковником Махдауи революционных трибуналов, через которые прошли сотни, другие говорят – тысячи людей. Многие были казнены.

Опасаясь коммунистов и не доверяя им, иракский диктатор начал их преследовать. Некоторые из них были приговорены к смертной казни. Но пока сохранялся этот режим, коммунисты не решались открыто выступить против него.

Коммунистический террор в Ираке не вызвал никакого отклика, ни одного слова осуждения или неодобрения ни в одном советском издании.

Расплата пришла и в арабском мире, где усилиями и западной, и насеровской пропаганды образ коммуниста слился с карикатурой «мясника-убийцы», в том числе в самом Ираке.

Летом 1961 года возник кувейтский кризис. В связи с событиями в Персидском заливе, произошедшими летом 1990 – зимой 1991 года, нелишне вспомнить тогдашнюю позицию правительства СССР по отношению к Кувейту.

19 июня 1961 года Великобритания отказалась от договора 1899 года о протекторате над Кувейтом. Через шесть дней Касем заявил, что Кувейт – «неотъемлемая часть Ирака». Саудовское правительство настаивало на том, что Кувейт – «часть Саудовской Аравии». 1 июля по просьбе шейха Кувейта британские войска высадились в княжестве. 6 июля Касем заявил, что, хотя «объединение», точнее, «воссоединение» Ирака и Кувейта остается официальной целью правительства, оно будет достигнуто мирными средствами. Советское правительство, подыгрывая руководству Ирака, воспротивилось приему Кувейта в ООН.

Когда режим Касема 8 февраля 1963 года пал, СССР быстро переменял позицию. 7 мая 1963 года Совет Безопасности единодушно рекомендовал принять шейхство в члены ООН.

Потеряв всякую социальную опору, нанося удары по всем направлениям, Касем обрек себя на гибель. Новый переворот не заставил себя ждать. Некоторые советские дипломаты, работавшие в тот период в Ираке, да и многие уцелевшие иракские коммунисты утверждали, что у компартии были силы, чтобы этот переворот осуществить самой. Почему она не решилась на переворот, пока остается тайной. Возможно, что Советский Союз был против, возможно, что компартия уже потеряла поддержку в вооруженных силах. Правительство Касема было свергнуто группой, в которой доминировали члены партии Баас⁶. Пост президента занял генерал Абдель Салам Ареф, а бригадный генерал Ахмед Хасан аль-Бакр, связанный с баасистами, стал премьер-министром; Али Салех ас-Саади, генеральный секретарь иракской партии Баас, – заместителем премьер-министра, министром внутренних дел и командующим так называемой национальной гвардией – вооруженными силами радикального крыла партии. Третьим лицом в правительстве был полковник Салех Махди Аммах, министр обороны.

Начались массовые аресты и уничтожение без суда и следствия коммунистов и насеристов, осуществлявшиеся в основном национальной гвардией. Это был кошмар арестов, пыток, расстрелов, охвативший все слои общества.

Масштабы убийств были таковы, что 16 февраля 1963 года ЦК КПСС пошел на редкий шаг и опубликовал официальное заявление, осуждавшее «кровавый террор» против иракских марксистов и коммунистов.

9 марта военный генерал-губернатор Багдада Рашид Муслих заявил, что три лидера коммунистической партии – Салам Адиль, Мухаммед Хусейн Абу галь-Ис, Хасан Увейни – казнены. 14 марта состоялась массовая демонстрация перед иракским посольством в Москве, сопровождавшаяся угрозами и битьем стекол (редчайшая форма протеста в те годы, выражавшая глубокую обеспокоенность советского руководства). В июле были казнены члены политбюро ЦК ИКП Джамаль аль-Хайдари и Мухаммед Салех аль-Абаджи.

Восстание курдов, начавшееся еще при Касеме, тогда Советским Союзом было поддержано. Курдская проблема обеспечивала рычаг давления на любое иракское правительство, если возникала такая необходимость. Но само восстание, как показало дальнейшее развитие событий, приобрело собственную динамику и совершенно не контролировалось из Москвы. 16 июня СССР официально обвинил иракское правительство в геноциде «беззащитных миролюбивых жителей курдских деревень и городов». В заявлении говорилось, что иракское правительство проводит политику, «которая противоречит элементарным человеческим правам и Хартии ООН»⁵⁵. Через четыре дня «Правда» напечатала статью за подписью «Комментатор» «Остановить преступления в Ираке»⁵⁶.

К осени 1963 года, хотя дипломатические отношения между двумя странами сохранялись, антииракская пропаганда в советских органах массовой информации была жесткой и непримиримой по тону.

⁶ Баас – Партия арабского социалистического возрождения – основана в 1947 г. Мишелем Афляком и Салахом Битаром в Сирии, объявила себя общеарабской партией. Ее организации имеются в Сирии, Ираке, Ливане, Иордании и других арабских странах.

Но уже летом 1963 года произошел глубокий раскол в партии Баас, более умеренные элементы, как и их временные союзники из числа насеристов и Движения арабских националистов, отошли от Саади. Успешный военный переворот генерала Абдель Саляма Арефа 18 ноября 1963 года был обеспечен расколом в иракской партии Баас на три соперничавшие фракции. В Москве переворот восприняли со вздохом облегчения. Хотя новое правительство отнюдь не симпатизировало коммунистам, оно распустило национальную гвардию. Ослабление репрессий против коммунистов, во всяком случае прекращение их физического уничтожения, облегчило положение Хрущева.

Советское правительство стало подталкивать Багдад и курдов к примирению и приветствовало прекращение «братоубийственной войны против курдов» в телеграмме, направленной Хрущевым Арефу 15 февраля 1964 года⁵⁷.

На западе арабского мира национально-освободительная борьба народов Северной Африки привела к провозглашению в 1956 году независимости бывших французских протекторатов Марокко и Туниса, сохранивших, впрочем, тесные связи с Западом. В Алжире шла кровопролитная война за освобождение от французского господства. Советский Союз поддерживал временное правительство Алжирской республики. После провозглашения независимости Алжира в 1962 году и последовавшего за ним резкого ухудшения франко-алжирских отношений советское руководство первым пришло на помощь правительству Бен Беллы, который к тому же заявил о своей приверженности «социалистическому выбору».

Однако, каков бы ни был «антиимпериализм» Ирака, каковы бы ни были советские симпатии к Алжиру, главной опорой хрущевской политики на Ближнем Востоке (как и в Африке) оставался Египет. Сотрудничество между двумя странами становилось все более тесным и увенчалось триумфальным многодневным визитом главы советского правительства в Египет. Гамаль Абдель Насер создал для него подходящую атмосферу, освободив из заключения большую часть коммунистов.

9 мая 1964 года Никита Хрущев, возглавивший большую партийно-правительственную делегацию, прибыл в Александрию на борту теплохода «Армения». Египет встречал гостя так, как не умеет встречать, пожалуй, никто в мире. Эмоциональный, восторженный накал людского моря далеко выходил за обычные нормы вежливости и вряд ли мог оставить равнодушным зарубежного политического деятеля. Прием был искренним. В глазах многих египтян Хрущев был лидером великой страны, который пошел на риск, чтобы остановить «тройственную агрессию» против Египта, предоставил египетским вооруженным силам современное оружие и сделал их могучими, оказал Египту крупную экономическую и техническую помощь, что позволило стране начать широкую индустриализацию, наконец, согласился помочь воплотить в жизнь народную мечту – построить высотную Асуанскую плотину.

Перед этим в Египте побывал китайский премьер Чжоу Эньлай. Ему был оказан нормальный, вежливый, немного холодный прием. Насер сделал ставку на Хрущева и не желал раздражать его братанием с китайскими соперниками.

Гамаль Абдель Насер вручил Хрущеву высший орден страны – «Ожерелье Нила». Хрущев сделал ответный шаг, наградив Насера и его тогдашнего сподвижника маршала Абдель Хакима Амера званием Героя Советского Союза и орденом Ленина к их немалому смущению и недовольству внутри Советского Союза. Из некоммунистических лидеров такой награды удостоился в 1963 году лишь президент Алжира Ахмед Бен Белла. Анатолий Громько рассказывал автору этих строк: «С отцом, да и ни с кем другим Хрущев по этому поводу даже не советовался»⁵⁸.

13 мая 1964 года, нажав вместе на кнопку, Хрущев и Насер взорвали перемычку, чтобы направить нильские воды в отводной канал и позволить начать новый этап строительства ас-Садд аль-Аали – высотной Асуанской плотины.

Гамаль Абдель Насер, безусловно, импонировал советскому руководству. Его личное обаяние, такт и калибр государственного деятеля не могли не вызвать симпатий у Хрущева. Он стал ценным союзником и в арабском мире, и в Африке, и в Азии. Когда в Йемене в сентябре 1962 года произошла революция, скоординированная с Египтом, но республиканский режим оказался под угрозой со стороны роялистов, поддержанных Саудовской Аравией и Западом, Насер послал в эту страну экспедиционный корпус на помощь республиканцам. Египет был одним из столпов Движения неприсоединения, Организации африканского единства, а Каир стал Меккой для многих антизападных революционеров из арабских и африканских стран. Насер изгнал или «египтизировал» иностранный капитал, национализировал собственность крупной и средней буржуазии, провел две аграрные реформы, объявил о 50-процентной квоте «рабочих и крестьян» в органах власти, принял Хартию национальных действий, многие из формулировок которой были близки советским идеологическим штампам. Это позволило «Правде» писать в передовой статье, что «могучие революционные силы современности – мировая социалистическая система с ее растущей мощью, борьба пролетариата в странах капитала и национально-освободительное движение, сливаясь в один поток, наносят решающие удары по системе империализма и колониализма»⁵⁹.

Всем хорош был Насер, но... Вот если бы он, как Фидель Кастро, постиг «научный социализм» и стал марксистом, тогда наступила бы полная гармония в советско-египетских отношениях. Примитивная мессианская идея продолжала сидеть в голове Никиты Хрущева и временами прорывалась в его выступлениях.

10 мая на митинге молодежи в Каире Хрущев выразил восхищение «свободолюбивым египетским народом», который «успешно восстал против капиталистической эксплуатации», и добавил: «Перед молодежью вашей страны большое поле для трудовой деятельности. Социализм – это единственный путь, который позволяет в короткие исторические сроки избавиться от лишений и отсталости и обеспечить свободную и счастливую жизнь для всех тружеников. Желаю вам, молодым гражданам ОАР, вступающим на путь социалистического строительства, больших успехов на этом пути»⁶⁰. Официальная насеровская пропаганда уже говорила о египетском обществе как социалистическом, но высокий гость утверждал, что развивающиеся страны лишь «вступили на путь социалистического строительства». Это означало, что они предприняли только первые шаги в этом направлении, а как им, в том числе и Египту, идти дальше? Просто следовать советскому примеру. Упомянув такие «свершения Страны Советов», как национализация промышленности и коллективизация сельского хозяйства, Хрущев искренне сделал вывод, что «благодаря этому» Россия «из экономически отсталой страны превратилась в могущественную социалистическую державу». Короче говоря: следуйте за нами по «единственно правильному пути»⁶¹.

В Асуане Никите Хрущеву не понравилось выступление президента Ирака Абдель Саляма Арефа с его упором на арабский национализм и ислам. Хрущев отошел от подготовленного текста и стал говорить то, что у него действительно было на уме. По его словам, у СССР не было намерения помогать «арабам вообще». Советский Союз пришел на помощь египетскому народу, «который вступил в борьбу против империализма и колониализма... чтобы рабочий класс, крестьянство и трудящаяся интеллигенция и все прогрессивные силы нации могли двигаться более быстро вперед, строить новую жизнь». Таково, отметил он, было применение ленинской философии, которая одержала победу в Советском Союзе и которая в конце концов одержит победу «во многих других странах». Понятие «арабское единство» для него означало «братское единение всех арабских трудящихся, всех людей труда против империалистов и эксплуататоров, колонизаторов, монополий и за победу трудящихся». По сути, он предложил, чтобы лозунг «Арабы, объединяйтесь!» был заменен таким призывом: «Арабские пролетарии, арабские крестьяне, прогрессивная арабская интеллигенция, все люди труда должны

объединиться в борьбе за свободу и независимость, за лучшую жизнь, за свои права против национальных и иностранных эксплуататоров!»⁶²⁷

Президент Насер в мягком ответе гостю повторял свои собственные соображения по поводу арабского единства. Он заявил, что этот лозунг «отнюдь не является расистским, а отражает глубокую историческую реальность». Арабы, по его мнению, всегда представляли единую нацию, которую отличало «единство материального существования, общее сознание, единое мировоззрение»⁶³.

В конце визита был назначен день отдыха – рыбалка в Суэцком заливе с яхты «Хуррия». На яхте находились Хрущев, Насер, Бен Белла, Ареф. Но Хрущев вновь эмоционально сцепился с арабскими лидерами по вопросам национализма и религии. О рыбалке забыли.

Вот что рассказывал автору покойный ныне переводчик, дипломат, литератор, нумизмат и коллекционер египетских древностей, интеллигентнейший Олег Ковтунович⁶⁴: «И Хрущев, и его окружение в советском руководстве считали, что арабские лидеры «слишком увлекаются» религией. И вот Хрущев решил их просветить. Тогда, на яхте он стал рассказывать: «Помню – был у нас один поп. А у него была любовница. Так вот – он ее убил, а тело расчленил. Видите, куда заводит религия и вера в бога». Его собеседники были смущены. Но Насер мягко сказал: «Видимо, религия здесь ни при чем. Бывают хорошие и плохие священники. Возможно, что некоторые коммунисты тоже совершают преступления...» Хрущев неожиданно обиделся. «Ну, свое говно малиной пахнет», – сказал он. Я долго мучился с переводом».

И все же итоги визита Хрущева выглядели для обеих сторон в высшей степени позитивными. Советский лидер одобрил, несмотря на эмоциональные взрывы, принципы арабского единства и право Насера строить египетское общество по своему усмотрению. Как обычно, он с энтузиазмом поддержал требование Насера вывести иностранные военные базы из региона, осудил Израиль как «базу империализма», поддержал арабскую позицию по поводу использования вод реки Иордан. Египет показал себя весомой частью «национально-освободительного движения», направленного против империализма, то есть против враждебного Советскому Союзу Западу. Сотрудничество с Египтом отвечало слившимся в тот период воедино и мессианским, и прагматическим установкам советского руководства.

Щедрость Хрущева не ограничилась Звездами Героя Советского Союза для двух египетских лидеров. Он обещал четвертьмиллиардный (в рублях) долгосрочный заем на экономические цели. Конкретные экономические объекты были согласованы во время визита премьер-министра Египта Али Сабри в Москву в сентябре того же, 1964 года. СССР принял обязательство оказать содействие в строительстве металлургического комбината мощностью более 1 млн т стали в год в Хелуане, теплоэлектростанции мощностью 200 тыс. кВт около Александрии, завода по переработке нефти в Суэце.

Никита Хрущев был свергнут 14 октября 1964 года в результате «тихого» заговора большинства членов политбюро. Недовольство его правлением вызывалось внутренними причинами. Партийный аппарат резко воспротивился хрущевским попыткам ослабить его контроль над обществом, скрытые сталинисты были недовольны разоблачением культа Сталина, массы – волонтаристскими экспериментами, интеллигенция – его растущим авторитаризмом и хамством.

Отдадим должное Никите Хрущеву. Он соединил в себе и наивнейший мессианизм, и политический прагматизм. Он, видимо, лелеял мечту увидеть всех – и белых, и черных, и жел-

⁷ Отметим, что эти выступления отражали искреннее убеждение Н.С. Хрущева. Подтверждением этому стал опубликованный в «Азии и Африке сегодня» отрывок из отдиктованных им «Воспоминаний» (Беляков В.В. СССР – Египет: этапы сближения. (Из Воспоминаний Н.С. Хрущева) // Азия и Африка сегодня. 2016. № 4. С. 58–64), который по каким-то причинам не вошел в его книгу, появившуюся на Западе в 1997 году (*Хрущев Никита*. Воспоминания: В 4 кн. М., 1997).

тых – под красными коммунистическими знаменами. Но действовал он и в арабском, и во всем «третьем мире» чаще всего умело, соединяя и решительность, и осторожность, и мужицкую грубость, и государственный ум.

Отметим, что Хрущеву вплоть до его падения еще и везло. Не только потому, что, как отмечалось, его политический курс совпал с направлением общего исторического процесса в «третьем мире», в частности на Ближнем и Среднем Востоке. Он действовал как лидер огромной страны, наращивавшей свой индустриальный потенциал, как тогда казалось, быстрее Запада. Вместе с индустриальным потенциалом росли гигантская военная машина и военная мощь СССР. Еще не были закрыты возможности экстенсивного развития экономики. Еще не было видно дна «неисчерпаемым» богатствам СССР. Еще не полностью надорвалось сельское хозяйство, хотя СССР уже стал ввозить пшеницу. Еще не проявилась в полной мере неэффективность административно-командной системы, и потому робкие попытки экономических реформ были легко задушены. Запад еще только вступал в постиндустриальное общество информатики, компьютеров, услуг, и качественный разрыв его с советским обществом еще принципиально не сказался. В период правления Никиты Хрущева получили развитие советско-арабские экономические и культурные связи, опиравшиеся на растущие технико-экономические возможности Советского Союза. В 50–60-х годах были заключены соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве Советского Союза с Египтом и Алжиром (в лице временного правительства Алжирской республики) (1958), Ираком (1959), Йеменом (1956), Сирией (1957) и Суданом (1963).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.